

От ненависти До любви

АЛЛА
ПОЛЯНСКАЯ

НЕВОЗМОЖНОСТЬ СТРАСТИ

От ненависти до любви

Алла Полянская

Невозможность страсти

«ЭКСМО»

2015

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Полянская А.

Невозможность страсти / А. Полянская — «Эксмо», 2015 — (От ненависти до любви)

Лена заехала домой во время обеденного перерыва и застала хрестоматийную картину: муж в спальне с лучшей подругой. В тот момент Лена поняла: они с Сергеем давно стали чужими и это отличный повод поставить точку в их несчастливом браке... Но неожиданно мысли о неудавшейся личной жизни вытеснили другие события – парень в дорогой одежде, которого они с подругой Ровеной подобрали на городском пляже. Незнакомец явно попал в беду и ничего о себе не помнил... Личность его удалось установить быстро, а вот вопрос, кто его похитил и зачем стерли память, оставался открытым. Но не это беспокоило Лену, а то, что Ровена, ее непробиваемая и никогда не унывающая подруга, явно проявляет к подозрительному незнакомцу повышенное внимание. Подруги еще не знали, что им придется пережить по вине странного парня, найденного ими на пляже...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Полянская А., 2015
© Эксмо, 2015

Содержание

1	6
2	13
3	21
4	28
5	36
6	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Алла Полянская

Невозможность страсти

Copyright © PR-Prime Company, 2015

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо»», 2015

1

Кирпичная стена расплывается перед глазами, но её нужно удержать. С той стороны осталось всё, что составляло его жизнь, а здесь, за стеной, – только он сам. Голос что-то говорит ему, о чём-то спрашивает, и это длится очень долго, но ему всё равно: за стеной голос почти не слышен, зато он видит вращение планет. Ему надо обязательно рассмотреть, как вращается полюс под его ногами, но полюс остался позади, и он летит, летит в пустоту, Солнце ослепляет его, и глазам больно.

Стена расплывается перед глазами, он напрягает руки, боль – хорошая штука, она значит, что ты жив. Он любит эту боль, потому что она возвращает его туда, где он был. Вот стена, вот кирпичи, их можно считать. А голос грохочет в голове, сбивая его со счёта, но он не слушает – он не должен слышать, в голове гремит рояль, а потом вдруг зазвучал орган, и он замер, спрятавшись в эти звуки.

– Без толку.

Этот голос не гремит. Он звучит совсем рядом, обычный, ничего гремящего.

– Что значит – без толку?! Дай ему ещё дозу!

– Он просто воткнёт, и всё. – Голос звучит насмешливо. – Я могу задавать ему вопросы обычным порядком. Мы же не собираемся его отпустить?

– Конечно, нет. Но обычный допрос может не дать результатов.

– Ну, мы уже попробовали по-твоему – теперь сделаем по-моему.

– Сейчас?

– Сейчас, даже если ему голову отрежу, он не поймёт ничего. – Голос хихикнул. – Нет. Я просто кое-что уколою ему и отправлю спать. Отходняк усилит действие допроса.

– Когда?

– Не раньше чем завтра.

Второй голос грязно выругался, послышались шаги, лязгнула дверь.

– Ну, видишь, дружок, всё вышло как я хотел. – Голос звучит монотонно, из него ушли эмоции. – Кто бы мог подумать... ну да ладно, это даже к лучшему. Всегда надо совершенствоваться, а ты отличный объект для этого.

Укол почти не ощутил, но тело, настроенное как антенна, воспринимает его. Удержаться, удержаться на краю полюса, не лететь во тьму! Если бы не солнце, слепящее глаза...

– Полежи здесь, мы ведь никуда не торопимся.

Его тело ощущает металлическую сетку – она холодная, и это приятно. Хочется нырнуть во тьму, закружиться в хороводе планет, забыть то, что делало его тем, кем он был. Тьма зовёт его, она мягкая и качает его как на волнах. Он снова напрягает руки – боль, пробивающаяся сквозь вязкую тьму, возвращает его туда, где он может ощущать.

Он попытался открыть глаза. Предметы слились в какой-то безумный хоровод, и понять, что его окружает, невозможно. Дёрнув рукой, он понял, что прикован – сознание, норовящее ускользнуть, такое неустойчивое, словно вода в переполненном ведре, нужно нести и не расплескать и удержаться, удержаться...

Лязгнула дверь, кто-то дотронулся до его запястья, резкая боль, которой он возвращал себя в собственное тело, сменилась саднящей, далёкой, а тьме только этого и надо...

– Поднимайся же!

Голос тихий, совсем рядом, и запах тонких духов.

– Поднимайся, я не смогу тебя тащить!

Прикосновение ткани к телу. Плотная ткань. Рывком поднявшись, он чувствует, как ткань обволакивает его, отгораживая от всего, что снаружи. Он внутри этого кокона, голова совсем тяжёлая, тьма зовёт его и кружит.

– Идём же, идём!

Ступеньки, резкая боль в ступне. Он открывает глаза – серые стены, металлическая лестница, металлическая дверь. Тонкая загорелая рука, толкающая дверь, короткие чёрные волосы, длинная шея, изящный нос с небольшой горбинкой. Тьма отступила.

– Ты кто? – спрашивает он.

– Какая разница?

Тонкие духи, шёлковый топ, хрупкие плечи, тёмные глаза, горящие на смуглом лице.

– Я выведу тебя, беги. Тут берег, спрячешься в зарослях, слышишь меня?

Боль в ступне такая сильная, что тьма отступает и приходит страх. Стены смыкаются вокруг них, и аромат тонких духов кажется запахом умирающих цветов. Мир сворачивается, и становится видна только одна точка – та, что под ногами.

– Иди, слышишь? Иди же! Убегай!

Она толкает его в песок, он расплавленным свинцом вливается в раненую ногу, и мир расширяется. Боль – это твой друг, боль означает, что ты ещё жив.

* * *

Лето превратило жизнь города в ад, полный горячих маршруток, похожих на печи крематория, раскалённого асфальта и мусорных баков, заваленных пластиковыми ёмкостями для воды и прочих напитков.

И только в офисе прохладно, солнечные лучи, пробиваясь сквозь стёкла, теряют свойства обжигать – кондиционеры работают на всю мощность, давая возможность людям нормально дышать и работать. Офисное здание из стекла и бетона, самое современное, самое новое, – гордость застройщика и украшение проспекта, который как главная артерия проходит сквозь самое сердце города.

Лена проверила почту и углубилась в чтение документов. Их фирма, объединяющая в себе несколько популярных интернет-магазинов, всегда работает как часы – слаженно, без сбоев и штурмовщины, а ссор и дразг и вовсе не бывает. Лена всегда была непреклонна и жёстко наказывала всякого, кто нарушал это правило. Не можете решить проблему самостоятельно – для этого есть она, пожалуйста в кабинет, будем разбираться. Ах, проблема не связана с работой? Тогда нечего тащить её в офис.

Вошла помощница.

– Елена Юрьевна, к вам адвокат, некий господин Васильев.

Лена недоверчиво взглянула в расписание – всё правильно, никакого господина Васильева там не водилось, иначе она бы запомнила.

– Тамара, зайди и закрой дверь.

Помощница поёжилась под её взглядом – конечно же, она знала, что Лена терпеть не может никаких незапланированных визитёров и встреч, тема которых ей неизвестна.

– Кто такой?

– Елена Юрьевна, я не знаю. – Тамара нервно сглотнула, уставившись на неё круглыми испуганными глазами. – Он сказал, что вопрос касается вашей семьи. Вот его визитка, Васильев Олег Владимирович, адвокат.

– Вот как? – Лена досадливо поморщилась. – Подожди.

Она нашла номер матери и набрала его.

– Лена, я в парикмахерской, говорить не могу, – ответила та.

Ну, конечно же, по-другому и не было никогда. Дочь ей всегда мешала, как и все остальные, впрочем. Иногда Лена думала о том, что мать, возможно, была бы совершенно счастлива на месте Робинзона Крузо, который провёл на необитаемом острове двадцать восемь лет, два месяца и девятнадцать дней. Пожалуй, окажись там парикмахерская и доступные моющие

средства, мать не отказалась бы остаться там навсегда. Никто не раздражал бы её... Может, только попугаи, дикие козы, мотыльки, песок, деревья, море, воздух, облака и бог весть что ещё. И о том, что мать всё-таки не оказалась на этом острове, Лена иногда сожалела. Но не сейчас. Пропустив мимо ушей её фразу, она спросила:

– Ты знакома с неким господином Васильевым, адвокатом?

– Нет. А почему ты спрашиваешь?

– Этот человек пришёл ко мне на работу и сказал, что у него ко мне дело и оно касается моей семьи. Я подумала, что ты можешь знать, о чём речь.

– Я понятия не имею. – Мать умолкла, и некоторое время Лена ждала, надеясь, что ей надоест разговор и она просто отключит телефон. – Послушай, Елена, не встречайся с теми, кого не знаешь. Может, это мошенник какой-нибудь и...

– Всё, мама, пока.

– Елена!..

Но Лена уже отключила трубку.

Она не может долго разговаривать с матерью – просто не может, и всё. Так было не всегда, но иногда Лена думает, что всё-таки всегда, потому что когда мать рядом, они всё равно практически не разговаривают. Как так получилось, Лена не знает, но теперь этого уже не исправить, а потому она старалась свести общение к самому необходимому минимуму. Чтобы не позволить матери задавать вопросы и вести себя так, как привыкла, и чтобы самой не сорваться.

– Зови его.

Тамара едва не вприпрыжку бросилась из кабинета, и Лена ухмыльнулась. Прежняя помощница удержалась недолго именно потому, что не смогла усвоить одно простое правило: делать только то, что велено, и только так, как велено. Тамара пока справлялась, но сегодня оказалась очень близка к опасной черте и сама это понимала. Ну, что ж, впредь наука.

Человек, вошедший в кабинет, оказался сморчком неопределённого возраста в дурно сидящем летнем костюме. Костюм был средней руки, как и туфли, и портфель, как, впрочем, и сам господин Васильев. Лена кивнула на стул для посетителей.

– Присаживайтесь. У меня есть пять минут, слушаю вас.

Такой тон она выработала очень давно, он отпугивал попрошайек и желающих половить рыбку в мутной воде.

– Думаю, это займёт несколько больше времени. – Голос у Васильева оказался вполне ожидаемым – такой же бесцветный, слегка надтреснутый, он звучал словно из недр костюма, лицо говорящего оставалось неподвижным. – Я здесь по поручению вашей сестры.

– Вот видите, мы уже всё выяснили. – Лена в упор посмотрела на адвоката. – У меня нет и никогда не было ни сестры, ни брата, я единственный ребёнок в семье. И я понятия не имею, кто и зачем направил вас сюда, так что, думаю, наша встреча окончена.

– А разве Варвара Леонидовна Тимофеева – не ваша сестра?

На минуту Лена опешила, но, взяв себя в руки, ответила:

– Впервые слышу о такой.

– Эта женщина лежит в больнице, и, скорее всего, жить ей осталось совсем недолго. И потому она просила меня разыскать вас, и...

– Я вам ещё раз повторяю: я не знаю, о ком вы говорите.

Как она посмела! Как посмела дрянь, разрушившая жизнь их семьи, прислать к ней этого скользкого типа! Права была её лучшая подруга Ровена, когда говорила, что жизнь за всякое зло, незаслуженно причинённое ближнему, оплатит так, что любая человеческая месть покажется детской игрой.

– Но как же так... – Васильев достал из портфеля папку. – Вот же, у меня всё записано. Ваш отец, Юрий Иванович Тимофеев, и Леонид Иванович Тимофеев – родные братья. А Варвара Леонидовна приходится вам двоюродной сестрой.

– Боюсь, у вас неверная информация. – Лена встала, давая понять, что встреча окончена. – Юрий Иванович Тимофеев, мой отец, и Леонид Иванович Тимофеев, указанный в ваших документах, – никакие не братья. Просто однофамильцы. И у меня, безусловно, нет никакой сестры, ваша клиентка обманула вас. Я была бы вам очень признательна, если бы вы впредь не беспокоили меня такими глупостями.

Лена с наслаждением наблюдала, как сморчок собирает свои бумаги. Что ж, узнать, что стряслось с Варварой, она, конечно, может. Просто не станет. Какая разница, что произошло с той, кто стал причиной многих несчастий её семьи, её первого настоящего горя и навсегда рухнувшего мира, который в момент оказался ложью.

– Дело в том, что сейчас Варвара Леонидовна...

– Я же вам сказала – понятия не имею, кто это такая. Если у вас всё, то я вынуждена попросить вас уйти, у меня очень много работы.

Адвокат вышел, унося свой портфель, а Лена подошла к окну и взглянула вниз. По проспекту снуют машины, ряд каштанов, высаженных вдоль улиц, выглядит заманчиво, но Лена знает: как только она выйдет из здания, жара схватит её и сожмёт в раскалённых тисках. Нет уж, увольте. Да и идти, собственно, некуда и незачем – работы полно.

Лена вернулась за стол, решив выбросить из головы визит адвоката. Она умела отсекал ненужные мысли, сосредоточившись на чём-то другом, вот и сейчас просто углубилась в отчёт и перестала думать о неприятном визитёре.

Зазвонил телефон, и Лена, узнав звонившую, взяла трубку.

– Привет, Ленусик.

Татьяна, тоже лучшая подруга, с которой дружба сложилась ещё в институте – обе грызли гранит науки на факультете прикладной математики. В отличие от Лены, которая ушла в бизнес, закончив дополнительно бизнес-школу в Москве, Татьяна преподавала математику в металлургическом техникуме. Но они сохранили дружеские отношения, и Лена очень жалела о том, что Ровена терпеть не может Татьяну, дав ей кличку Холостая Пуля. У Ровены всегда была привычка придумывать людям прозвища, которые прикипали к ним намертво, словно она видела саму суть человека, извлекая её и облекая в слова. Например, её бабушку, Людмилу Макаровну, Ровена с детства называла Салтычиха – на что та очень обижалась, но так вышло, что прозвище это осталось с ней и после смерти. Вот и к Татьяне обидная кличка тоже прилипла, за что та Ровену просто возненавидела, но это делу не помогло.

– Здравствуй, Тань.

– Ты как сегодня, занята? А то увиделись бы.

– Вечером буду, часам к семи, не раньше. А может, к восьми, у меня машина в ремонте, я на такси сегодня. Давай завтра, я тебе перезвоню.

– Ладно, давай завтра. – Татьяна засмеялась. – Занятая ты наша. Как твои дела?

– Как обычно. Работа-работа...

– С Серёжкой так и живёте в непонятках?

– Ой, Тань, какие непонятки. Всё предельно ясно: он живёт как считает нужным, а я ему в этом не мешаю. Мне вообще некогда вникать во что-то, кроме работы. Всё, оставим этот разговор. Я тебе завтра перезвоню, когда машину из сервиса заберу, съездим куда-нибудь пообедать.

– Не забудешь?

– Как я могу забыть? Не забуду, конечно. Разве что поменяется что-то, но тогда я тебе обязательно перезвоню.

– Ладно, не буду мешать, до завтра. Удачного дня.

Лена никогда не понимала, отчего Ровена так не любит Татьяну. Её тяготило, что две самые близкие её подруги не ладят и встречаться с ними приходится в разное время. Но с Ровеной было куда как проще... и сложнее одновременно, потому что характер у неё очень

колючий. А Татьяна была комфортной – всегда принимала сторону Лены, объясняя это тем, что раз уж дружба, то надо и недостатки принимать. А Ровена недостатков не терпела, и иной раз Лена выслушивала от неё не очень приятные вещи и обижалась про себя – но проходило время, и снова ей звонила. Без Ровены её жизнь теряла остроту.

В детстве, когда их семьи жили в старом дворе, окружённом кирпичными домами, они познакомились на карусели. Им было по шесть лет, стояло такое же лето, возле подъезда пятого дома разгружали мебель, а загорелая девочка в розовом платье, с розовым бантом в длинных белокурых локонах, каталась на карусели, отталкиваясь ногами, обутыми в белые сандалии, в белых же идеальных гольфиках, что было невероятно среди летней пыли. Она была похожа на куклу наследника Тутти, такая же аккуратная и одетая словно на праздник.

Лена зачарованно смотрела на это неземное создание с большими голубыми глазами и маленьким милым носиком, а девочка повернула к ней голову и капризным кукольным голосом спросила:

– Ты тоже хочешь покататься?

Конечно, она хотела. А ещё больше она хотела познакомиться с этой девочкой в таком чистом платье и белоснежных гольфах. И её бабушка Люся, будущая Салтычиха, сказала:

– Посмотри, какая хорошая девочка!

Лена посмотрела. Потом они вместе катались на карусели, и оказалось, что девочку зовут тоже необычно – Ровена, папа у неё художник, а мама – учительница в музыкальной школе. Бабушка восхищённо вздыхала, расспрашивая, откуда они переехали в их двор, и оказалось, что они из Ленинграда, тамошний климат был вреден Ровене.

Как же ошибалась бабушка Салтычиха, когда восхищалась аккуратным платьицем необыкновенной девочки и её белоснежными гольфиками, к которым, похоже, не липла грязь. Как и все остальные ошибались, видя широко распахнутые голубые глазки и золотистые локоны с бантом. И только отец Лены, окрестивший подружку дочери «Чертёнок с пушистым хвостом» – по одноименному мультику, – понимал её сущность, как понимал всё на свете. Пока в какой-то момент это понимание не привело его к тому, что их мир рухнул. И тогда именно Ровена смогла удержать в своих ладонях обломки и соединить их для Лены в некое подобие жизни.

«Надо бы позвонить и встретиться. – Лена вздохнула. – Давно не виделись...»

С Ровеной они действительно виделись нечасто. Окончив институт, подруга решила не ждать милости от природы и нырнула в бизнес – открыла небольшую точку на рынке, где торговала одеждой. Через несколько лет у неё уже было три точки, а три года назад Ровена открыла магазин, где торговала той же одеждой, но от модных торговых марок. Там одевалась и Лена, для которой Ровена всегда привозила вещи по индивидуальному заказу, заранее выбранные подругой в каталогах.

– Елена Юрьевна, Михаил Борисович спрашивает, готовы ли документы для «Оникса», он завтра собирается с ними встретиться.

– Готовы. Скажи, что я ему их пришлю.

Конечно, готовы – вот только папка осталась дома на столе. Утром она позабыла их второпях, а это означает, что ей придётся поехать домой. Поскольку машина в сервисе, нужно вызвать такси. Вдохнув, Лена взяла следующий отчёт. Поедет через час, как раз к обеду, дома и поест, там суп остался. Можно будет в душ сходить и сменить бельё и блузку, это приятный бонус.

– Тамара, закажи мне такси, через час пусть подъедет.

Можно, конечно, взять машину, которая принадлежит предприятию, водитель бы отвёз её и подождет, но Лена не хотела, чтобы её компаньон Мишка Овсянников знал, что она ездила домой. Вот не хотела, и всё. И ничего бы Мишка не сказал, но она не хочет лишний раз показывать, что может забыть бумаги. Все знают, что она исключительно дисциплинирована. Она

никогда не забыла бы эту папку, с которой работала до ночи, если бы утром Сергей не затеял очередной скандал на ровном месте.

Лена никогда не понимала, как ему это удаётся – находить повод для скандала, иногда ей казалось, что он это делает специально, вот только зачем? Но в этот раз скандал вспыхнул совершенно из ничего, и Лена так торопилась убраться из дома, что проклятая папка с бумагами осталась на столе в её спальне.

У них с Сергеем давно уже были разные спальни. Сначала ему не нравилось, что она допоздна сидит за компьютером или шелестит бумагами, потом её стал напрягать его храп, неожиданно появившийся и практически лишивший её нормального сна. Всё стало намного проще, когда они переоборудовали её кабинет под спальню для Сергея – «дорогая, а вдруг гости, а у нас ещё одна спальня!» – как будто люди не могли переночевать на диване в гостиной. Гипотетические гости, которых никогда не бывало, потому что у Сергея с друзьями не сложилось, а у Лены были Ровена и Танька, и никто из них никогда не оставался ночевать. Но раздельные спальни оказались отличным решением, и если бы Сергей периодически не закатывал скандалы, то и вообще всё было бы отлично.

Лена думала о том, что в обед Сергея дома не будет и она сможет часик побыть одна. Какое это блаженство – побыть дома без него, когда вообще такое было в последний раз? Она уходит – муж ещё дома, приходит – он уже дома, они постоянно натыкаются друг на друга, и она вынуждена быть идеальной: никакого лица без макияжа, никаких удобных халатов или треников, причёска должна выглядеть идеально, и чистота должна быть тоже идеальной... но всё равно всё не так, она, Лена, постоянно «эгоистка и бегунья за дензнаками». И плохая жена, невнимательная к потребностям супруга, жить с ней невозможно из-за её вечной занятости, чёрствости и холодности. И бог знает, что ещё, зачем вообще так жить, когда его жертву никто не ценит.

Лена привыкла думать, что Сергей принёс себя в жертву, живя с ней. Ведь и правда – ну, кто станет терпеть, что жена делает карьеру, покупает машину, занимается какими-то важными делами, в то время когда муж не может найти нормальную работу – где его бы ценили так, как он того заслуживает.

Лена отложила бумаги и, подхватив сумку, вышла из кабинета.

– Елена Юрьевна, такси подъехало.

Всё точно, как она хотела.

– Тома, я буду через час. Ну, может, через полтора. – Лена посмотрела на стол помощницы, заваленный бумагами. – Закончишь с этими папками – и можешь пойти пообедать.

Спускаясь в лифте, Лена вдруг вспомнила старый мульт о Золушке, где мачеха в многочисленных подбородках, сидя в карете, перечисляла несчастной падчерице список дел, а потом, глумливо захохотав, возвестила: и на бал полюбоваться сможешь в окно дворца! Карета умчалась в блистательную жизнь, а несчастная Золушка отправилась сажать сорок розовых кустов.

Тамара не была похожа на Золушку. Толстенькая, круглолицая и всегда немного испуганная, она ужасно старалась – и ужасно боялась свою начальницу. И сейчас, вспоминая злую мачеху, Лена даже хихикнула. Ну, подбородок у неё всего один, остренький, обтянутый смуглой кожей, и едет она не в карете, а в такси, и не на бал, а домой... но ситуативное сходство, несомненно, есть.

Поднявшись на свой третий этаж, Лена открыла дверь и вошла в квартиру. Прохладный воздух приятно охладил кожу, и она, заранее предвкушая тёплый душ и горячий суп, поспешно закрыла за собой задвижку на двери. Отличная вещь – задвижка. Даже если есть ключ, задвижка не впустит пытающегося войти. Кто бы ни пришёл, он в квартиру не попадёт, пока Лена не откроет. Из-за этой задвижки они с Сергеем не раз ссорились, когда она приходила раньше него и запирала дверь на задвижку, а муж потом вынужден был звонить в звонок,

словно он не хозяин, а непонятно кто. Но сейчас он не придёт – разгар рабочего дня, и она сможет побыть одна, это отлично...

Что-то было не так. Какой-то запах, что ли... или эти босоножки, которые вообще непонятно откуда тут взялись. И звуки из глубины квартиры.

Лена сбросила туфли и прошла по коридору в сторону звуков, доносящихся из её собственной спальни, ощущая босыми ногами блаженно прохладный паркет. Осторожно заглянув в дверь, Лена хмыкнула – надо же, какой её Сергей затейник, оказывается. Но мог бы и в собственной спальне пристроиться, хотя у неё, безусловно, кровать более просторная. И голова у него не болит, что характерно, и давление высокое именно там, где надо... А одежда гостыи разбросана по полу, словно срывали её в порыве страсти... Сергей и страсть? Стадо слонов сошло в джунглях, не иначе.

Трусы красного цвета лежали на столике поверх забытой папки.

– Я тебя обожаю!

Дама стояла на четвереньках, лица её Лена не видела – но голос узнала. А забытая папка лежала на столике у окна, и взять её надо во что бы то ни стало, Мишка ждёт документы, но после этих трусов, небрежно брошенных поверх открытых файлов, бумаги, пожалуй, придётся выбросить, а то и сжечь. Просто сейчас главное – их взять незаметно, потому что ждать, пока эти двое накувыркаются, как-то не по фэншуй.

Какое-то время Лена стояла в раздумьях, но ей нужны эти документы, а ещё надо как-то обозначить своё присутствие, потому что ситуация крайне неловкая. Не найдя никакого более удачного решения, она вошла в спальню и подошла к столику. Может, эти двое не заметят её? Хотя, конечно, надеяться на это глупо.

– Ой...

Татьяна вскочила, лихорадочно зашарив в поисках чего-то, чем можно прикрыться, вид у Сергея тоже был не слишком счастливый.

– Привет, Тань. – Лена в упор рассматривала любовников. – Извини, если помешала.

– Лен, это...

– Дорогая, ты всё неправильно поняла! – пролепетал Сергей.

Лене вдруг вспомнилось, как они с Ровеной ходили на «Тартюфа» – чёрт знает, отчего ей во всякие неприятные моменты лезут в голову разные глупости, но она вспомнила тот вечер и как они с Ровеной поехали потом в свой старый двор и до самой полуночи катались на карусели, поедая пирожные, купленные в фойе театра и не съеденные в антракте.

Лена взяла папку и молча вышла из квартиры.

2

Лето насмешливо шурилось безжалостным глазом солнца сквозь листья каштанов.

– Когда приходит лето, в мире наступает гармония. – Ровена улыбнулась, на её загорелых щеках заиграли ямочки. – Ненавижу зиму.

– А Новый год?

Это был их вечный спор, они всегда его заводили – и всегда искали новые аргументы. Игра, забавная для них обеих. Лена смотрит на Ровену и понимает, что именно сейчас та – снова её якорь, её каменная стена, то неизменное, что было, есть и будет у неё всегда. И неважно, сколько недель или месяцев они не виделись. Ровена всегда встречает её так, словно расстались они вчера.

– Ленка, меня он практически не радует. Разве что как развлечение для Тимки, вот ему это пока в кайф – ёлка, подарки, ощущение праздника, и я стараюсь, чтоб у него всё это было. – Ровена потянулась за пакетом сока, её длинные ногти хищно блеснули. – Вот в детстве – да, в детстве я ждала Новый год. У нас дома наряжали ёлку – не так, как сейчас, какими-то одинаковыми шарами и бантами, а такую, помнишь, настоящую: куча разных игрушек и дождик, дождик!

– Да помню я...

Странно посреди лета вести разговоры о ёлке, но с Ровеной это было запросто.

– То-то, помнишь... Гирлянд электрических у нас не было, но ёлка была самой красивой из всех ёлок, и каждый год казалось, что именно эта – самая прекрасная, и прежде такой не было. А потом ночь – о-о-о, такая волшебная, и ожидание Деда Мороза – я долго в него верила, прикинь! А утром – подарки под ёлкой. Мы не очень богато жили, но подарки были всегда. Тогда я любила Новый год, а сейчас – нет. Ушло ощущение ожидания праздника, чуда, понимаешь? И снежинки тогда казались сказочными, а сейчас снег просто помеха на дороге. А вот лето... я всегда любила лето, потому что меня отвозили в село к бабуле и там я делала что хотела.

– Ты и сейчас делаешь что хочешь. – Лена рассмеялась, глядя на неё. – Хотела бы я посмотреть на того, кто попытался бы тебя заставить делать то, чего ты не хочешь.

– Много таких было. – Ровена вздохнула. – Ты же помнишь, родители одно время очень строго со мной обходились, им всё казалось, что я покачусь по наклонной плоскости и закончу свои деньки в тюрьме. И потом тоже хватало желающих нагнуть меня. Так что за своё право делать то, что я считаю нужным, мне пришлось побороться. Но оно того стоило, вот что.

Они сидели на открытой площадке летнего кафе и потягивали сок. Ровена категорически отказалась заходить внутрь, где кондиционер давал возможность отдышаться от летней жары – она любила жару и лезла на солнце, как мифическая саламандра в огонь. Лена знала это свойство подруги и не спорила, с Ровеной спорить бесполезно. Тем более что на улице было прекрасно: яркие петунии свисали с подвесных горшков, от фонтанчика исходила прохлада, а в тени каштанов оказалось не так жарко, как можно было ожидать.

– Нам надо чаще встречаться, что ли. – Ровена помешала в креманке мороженое и налила в него кока-колы, смесь вспенилась. – Попробуй, это вкусно.

– Нет уж, уволь. – Лена отправила в рот ломтик апельсина. – Питаешься ты ужасно.

– Я знаю. – Ровена фыркнула. – Потому я толстая, а ты нет.

– Ты не толстая, ты...

– Ай, брось. Почти девяносто килограммов даже при моём росте – много. – Ровена ухмыльнулась. – Но мне плевать, честное слово. Лен, что случилось-то?

– Ничего. Просто захотела тебя увидеть и рада, что ты нашла для меня время.

– Ври больше. – Ровена отпила из креманки жуткую пенистую смесь. – Зря не хочешь, это вкусно. Я тебя, подруга, знаю как облупленную. Давай Расскажи, что стряслось.

– Я... честно, ничего. Всё хорошо.

– Ну-ну. – Ровена постучала по стакану ногтем, покрашенным ярко-красным лаком с какими-то стразами. – Ленк, мне что, мышь тебе за шиворот запустить?

Лена поёжилась – представить живую, с ужасными лапами мышь у себя за шиворотом было жутко. Тем более что шиворот – вот он, от льняного пиджака. Это Ровена вырядилась в персиковый топ и немыслимой расцветки юбку, плевать ей на всё, даже на то, что лилия на её загорелом плече приковывает взгляды. А у Лены всё как положено: офисный строгий костюм, льняной, привезённый для неё Ровеной «из городу Парижу». И мышь... ну, нет. Конечно же, никакую мышь Ровена не припасла, это понятно, только Лена и правда хотела рассказать о своей проблеме, но теперь, глядя на беспечное лицо подруги, вдруг передумала. Ровена не поймёт. Она всё меряет своей собственной, ни на что не похожей меркой, и её выводы иногда шокируют. Правда, чаще всего она оказывается права...

– Ленк, ну чего ты куксишься? Давай плюнем на всё и поедem на Набережную, купим вредной еды и побродим по отмели, а то и искупаемся?

– Прямо сейчас?!

– Ну, а что? Красиво жить не запретишь.

– Рона, ты что. Мне в офис надо возвращаться, и купальника нет, и...

– Глупости всё это. Плюнь, и поехали.

– Нет, я не могу... вот так сорваться. – Лена вспомнила свой ежедневник, лежащий в сумке. – Я не планировала.

– Я тоже. – Ровена улыбнулась, подставляя лицо солнцу. – И плевать. Давай, Ленка, решайся. Может, это будет лучший день в твоей жизни, а ты просидишь его в офисе, жуя морковку, как кролик. Мы купим у Заура шаурмы и кока-колы – лучшая шаурма у Заура, он соус делает сам, с кинзой! – и поедem. Там классно: река блестит, вода тёплая, лето же!

– Но я...

– Плюнь, поехали.

Ровена щёлкнула пальцами, и материализовалась официантка со счётом. Видимо, Ровену здесь знали и она тоже знала персонал, потому что, оплачивая счёт, спросила:

– Кать, как мама?

– Спасибо, Рона. Тот врач, с которым ты меня свела, очень помог. – Официантка улыбнулась. – Отлично выглядишь.

– Звони, если что. – Ровена поднялась, кивнув официантке. – Удачного дня, Катя.

Они вышли прямо в солнце, машина Ровены нагрелась, но она, вместо того чтобы включить кондиционер, просто открыла окна.

– Ты чего без тачки? – спросила она.

– В сервисе она, помпа полетела. Рона, жарко до невозможности, включи климат-контроль.

– Ты что! Испортить мне всю каторгу хочешь своей холодилькой? Сейчас будет прохладнее, окна открыты. О-о-о, как же я люблю садиться вот в такую горячую машину! Ленка, сними свой пиджак, на тебя смотреть страшно! Зачем ты летом надеваешь этот ужас?

– Дресс-код. – Лена вздохнула и расстегнула пуговицы. – Не могу же я требовать от подчинённых то, чего не выполняю сама.

– Жуть какая-то. Я бы такое не стала носить даже под страхом смертной казни.

Ровена припарковала машину у ряда ларьков.

– Сейчас, погоди.

Лена покорила судьбе. Никогда она не умела сопротивляться Ровене, за что её в детстве бабушка Салтычиха обзывала тряпкой. Их обоих в детстве одинаково ломали под социум, но

Ровена оказалась крепким орешком, а она, Лена, – да, тряпкой, потому что приняла правила игры. И только Ровена напоминала ей, что были и другие времена.

Лена сняла пиджак и, аккуратно уложив его на заднее сиденье, почувствовала облегчение – лёгкая блузка отлично пропускала воздух, а голым рукам под лучами солнца было приятно.

– Вот, еда у нас есть, пить тоже взяла, бутылки ледяные, пока доедем, будут в самый раз. Правильно, что сняла пиджак, ни к чему он тебе сейчас.

– Я без купальника и...

– Ленка, в багажнике есть парочка халатов. Перестань дёргаться и наслаждайся.

Город, по-летнему горячий и пыльный, мчится мимо окон машины, ветер треплет светлые волосы Ровены, небрежно распущенные по плечам. И Лена снова подумала о том, что из всех тех, с кем прошло её детство, Ровена изменилась меньше всего. Нет, дело не во внешности. Из угловатого голенастого подростка Ровена к своим тридцати пяти годам превратилась в довольно крупную барышню, но лицо её осталось всё тем же лицом большеглазой куклы, вьющиеся крупными локонами волосы не потемнели, и голос тоже остался прежним, и смех, и все её повадки. Лена словно снова перенеслась в детство, когда они носились по улицам, устраивали свои бешеные игры и влипали в истории. Бабушка потом бранила Лену и запрещала ей водиться «с этой долговязой прощельгой из пятого дома». Но как не водиться, когда именно с ней интереснее всего? И чужие чердаки, набитые разным хламом, и старое пианино в подвале дома, где у них был штаб, на котором по очереди играли Ровена и Лёвка Иванцов, и много чего ещё. А потом всё закончилось – детство закончилось.

– Вот здесь остановимся.

Ровена припарковалась в кустах в густой тени, зашелестели ветки по стеклу, но машина практически не видна, и солнце её не достанет. Остановившись и заглушив двигатель, она открыла багажник, вытащила большой картонный ящик и, порывшись там, бросила Лене свёрток.

– На-ка, держи халат и шлёпанцы, изжаришься скоро в своём дресс-коде.

– А купальник?

– На, не плачь. – Ровена бросила Лене на колени яркие полоски ткани. – Это Тимкиной девочки, но ты тощая, тебе будет в самый раз. Надевай, не сомневайся, он стиранный.

– А ты?

– А у меня бельё чёрное, сойдёт и так. – Ровена стянула топ и юбку, бросила их в багажник. – Давай мигом, я купаться хочу – просто сил нет.

Ровена могла плавать часами. Она не любила море и никогда не стремилась летом во что бы то ни стало поехать к морю, ей всегда хватало реки. Её даже звали так, как звали одну из рек – Рона, и подруга утверждала, что все реки мира – это одна река. Она могла плескаться в воде часами, бродить по берегу или сидеть на парапете Набережной. Лена никогда этого не понимала: река пугала её своим течением, на берегу водились лягушки и змеи, водоросли щекотали ноги, в них тоже водилось всякое, что повергало Ровену в восторг, а Лену – в трепет.

– Ленка, ты чего?

– Ты же знаешь, что я боюсь всего маленького, безмозглого и кусачего.

– Ой, смотри, какая стрекоза!

Словно и нет вокруг гремящего задымлённого города, который делит на две части река. Здесь зелено и тихо, стрекозы кружат над ветками ивняка, растущего по берегу, и над жёлтыми кувшинками, колыхающимися на воде и словно вылитыми из воска.

– Идём купаться, смири свои фобии и наслаждайся.

Они прошли по горячему песку сквозь заросли, Лена опасливо поглядывала по сторонам – вдруг ящерица или гадюка, песок пёк ноги даже через подошвы резиновых шлёпанцев, и Лена почти бежала за Ровеной, которая пробиралась впереди, как атомный ледокол, держа в руках пляжную сумку.

– Рона, подожди!

– Торопись, Ленка, этот гадский песок скоро закипит. Жжётся, зараза!

Они выбрались к берегу, и Лена ощутила ногами спасительную прохладу – здесь песок был влажный, и она, сняв шлёпанцы, даже застонала от блаженства.

– Боже, как хорошо.

Только сейчас она поняла, как устала, перегрелась и как ей хочется войти в воду и погрузиться с головой в прохладу, и плевать на водоросли и лягушек.

– Пить будешь? – Ровена бросила ей кока-колу. – Только банки в пакет складывай.

Лена откупорила банку и отпила – холодный шипящий напиток охладил её, она отхлебнула большой глоток и икнула. Всегда шипучка действовали на неё так, и она её не пила, но Ровена не признаёт других напитков, так что Лена, вздохнув, снова сделала глоток. Ну, один-то раз можно.

– Я купаться. – Ровена сбросила халат и тапки на траву. – Ты как?

– Пожалуй, и я искупаюсь.

Лена оглянулась – прибрежная трава с вкраплениями каких-то ярко-жёлтых цветочков выглядела вполне чистой, но в одежду запросто могла заползти гадюка, а значит, по возвращении надо осторожно потыкать шмотки палкой, мало ли...

– Ленка, вода божественная, что ты там копаешься!

– Она же никуда не денется. – Лена уложила халатик поверх одежды Ровены и ступила в реку. – О-о-о, супер!

Прохладная прозрачная вода остудила её ноги, и Лена вдруг почувствовала лето. Вот было оно, это лето – с тополиным пухом, первыми черешнями, клубникой – но она не ощущала его так, как когда-то, не чувствовала щенячьего восторга от свободы, синего неба и запаха реки, перспективы прожить этот день так, чтобы вечером гудели ноги, и, лёжа в чистых прохладных простынях, осязая, как разомлевшее отмытое тело горит от загара. А сейчас, ступив в воду, Лена вдруг почувствовала себя так, как в детстве. И ещё была Ровена – всё та же безрассудная, предоставленная сама себе, она плыла впереди, её волосы намокли и колышутся в воде, словно диковинные водоросли, и сама она, такая весёлая и безмятежная, словно и нет где-то там жизни, которой жить просто невозможно. Жизни, от которой болит в груди и давит в висках. Словно нет ничего, что делает её невыносимой и иногда очень страшной. Словно не касается её *та жизнь* – за пределами реки. И так знакомо колышутся волосы Ровены в воде, она никогда не пыталась их подвязывать во время купания. Она есть и всегда будет – Ровена, долговязая прощелыга из пятого дома. И хотя она уже не живёт в своей старой квартире, а на её когда-то очень тощем каркасе появились заметные округлости, ничто не поменялось. Ровена не станет ей поддакивать, просто чтобы не раздражать, она всегда скажет ей правду, она не будет трахаться с её мужем – она здесь и всегда будет рядом, и это отлично.

– Ленк, смотри, какие кувшинки.

Ровена заплыла в заросли речных цветов. Она могла держаться на воде, практически не шевеля конечностями, – Лена так не умела, плавание было для неё спортом, а Ровена не уставала абсолютно. Вот и сейчас она вплыла в заросли кувшинок и будто встала на отмель – руки её свободно дотрагивались до восковых чашечек, гладили широкие листья, она что-то высматривала среди стеблей – а Лена только и могла что плыть, потому что здесь глубоко, так стоять в воде она не умеет.

– Как это у тебя получается?

– Стоять в воде? – Ровена ухмыльнулась. – Сто раз ты меня спрашивала.

– Спрашивала, да. – Лена фыркнула. – И стоять, и лежать на воде ты можешь, и плыть несколько километров, даже не запыхавшись, не то что...

– Ну, не знаю я, Ленк. – Ровена ловко перевернулась и улеглась на воду, тело её заколыхалось в такт волнам. – Не знаю, сто раз тебе говорила. Вот легла и лежу – держит меня вода.

И плыть могу, почти не шевеля конечностями, – вот и не устаю. Но это только в тихую погоду, когда волн нет.

– Не утешай меня.

– У тебя макияж потёк.

– Ну, и хрен с ним.

Они переглянулись и захохотали. Лена с восторгом ощутила то, чего не ощущала давно: лето и свободу. И то, что грызло её изнутри, просто исчезло. Всё неважно, оказывается. Вода всё смыла, река унесла, она и не заметила, когда.

– Есть хочу...

– Там шаурма в сумке имеется, поплыли на берег. – Ровена осторожно проплыла сквозь кувшинки. – Люблю я эти цветы...

– А не рвёшь никогда.

– Потому и не рву, что люблю. Сорву – цветок завянет, умрёт, и всё. А я хочу, чтоб он жил – ведь всю зиму мёрзнет на дне, ждёт лета, как и я. Только летом можно жить.

– Тебе в Африку надо.

– Там негры, змеи, болезнетворные микробы и жуткие гады.

– Змеи и тут есть.

– Есть. – Ровена вышла из воды, и Лена в который раз с завистью отметила, что тело подруги варварски прекрасно, хоть и не модельное. – Ленк, тебе с острым соусом или так?

– Давай так, знаю я твои острые соусы, есть невозможно.

– Тоже верно.

Ровена достала из сумки плед и расстелила на песке. Туда же последовал увесистый пакет с едой, банки с колбасой и пачка салфеток.

– Ты просто пикник устроила. – Лена уловила запах еды, и её рот наполнился слюной. – Чёрт побери, жрать-то как охота.

– Ну, так вперёд, чего ты ждёшь?

Ровена развернула пакет и подала ей шаурму. Лена, питавшаяся по диетической программе полезной едой, в ужасе зажмурилась, но запах сводил её с ума, и она откусила – вкус оказался непередаваемым.

– Ты, Ленка, ешь всякую траву, вот и превратилась в кильку. – Ровена отпила из банки шипучку и блаженно потянулась всем телом, сидя по-турецки. – Давай выкладывай.

– Что?

– Ну, ты уж меня совсем за дурру-то не держи. – Ровена хитро прищурилась. – Что-то тебя гложет, и сильно, раз ты ко мне прискакала среди дня, и мне даже удалось сманить тебя на реку. Было б это что-то простое, ты бы с Холостой Пулей поделилась, но тут что-то такое, чего ты ей доверить не можешь. Рассказывай, а то купаться хочется.

Лена вздохнула. Конечно, она бы рассказала Таньке – только именно ей она ничего рассказать не может, Танька и сама всё знает.

– Рона, я...

– Давай не тяни. – Ровена вздохнула, оглядев до половины съеденную шаурму. – Заур мне по знакомству их такими здоровенными делает... Так что там стряслось-то? Снова с Серёгой поспались?

Она это сказала – словно о чём-то незначительном, и Лена вдруг подумала: а ведь так оно и есть. Живут они с Сергеем как чужие, связывает их только квартира, да и та принадлежит ей, и она частенько думает о том, стал бы Сергей тянуть эти ненормальные отношения, будь у него куда съехать, и ответ всегда был очевиден, но думать об этом не хотелось, потому что тогда пришлось бы что-то решать, а решать тоже не хотелось. Очень страшно вдруг остаться одной. Татьяна всегда ей сочувствовала, сопереживала... до сегодняшнего дня.

– Поцапались... – Лена вытянула ноги, касаясь песка за пределами пледа, и большим пальцем ступни прочертила линию. – Я папку забыла с документами, а они мне нужны сегодня. В обед поехала домой, а эти... там.

Как объяснить Ровене, что она в тот момент почувствовала, Лена не знала. А самое главное, как объяснить то, чего она в тот миг не почувствовала? А именно – горя, злости и что там ещё положено чувствовать обманутой жене? Так вот: ничего этого не было. И напрасные метания по комнате Татьяны, спешно собирающей трусы и лифчик, и преувеличенно громкий голос Сергея: «Милая, это не совсем то, что ты думаешь...» А что, собственно, ещё она должна была подумать? Всё это было глупо, по-мещански банально и совершенно ей безразлично. Она стояла посреди этого бардака, смотрела на свою почти лучшую подругу и мужа, с которым прожила десять лет, и не ощущала ничего, кроме отвращения от того, что оказалась втянутой в такую пошлую, практически классическую библейскую историю, в которой уже заранее все роли расписаны. Но играть свою роль ей не хотелось совершенно, и эта проблема оказалась похлеще голой Танькиной задницы с целлюлитом.

– Прикольно. – Ровена хмыкнула, глядя на неё поверх банки с колкой. – И что теперь? Насколько я могу судить, сердце твоё не разбито ни капельки.

– Нет, не разбито.

– Ну, тогда слушай, что я думаю. Ты же за этим ко мне пришла?

– Собственно, да.

– Конечно. – Ровена снова потянулась. – Помнишь, где-то около года назад я у тебя спросила, на кой ляд ты живёшь с Серёгой, если вы лет пять спите в разных комнатах?

– Помню.

– А помнишь, что ты мне ответила?

– Не очень...

– Я тебе напомню. – Ровена состроила глумливую гримасу. – Ты на полном серьёзе затынула бодягу насчёт того, что, дескать, вас связывают более высокие отношения, которые не сводятся к сексу, вы просто родные люди, и бла-бла-бла. Я тогда это послушала и решила, что ты, подруга, похоже, спятила. Но промолчала – не в моих правилах давать непрошенные советы. Но вот что я думаю сейчас. Иногда жизнь ставит нас в ситуацию, когда нужно принимать неприятное решение – но мы его не принимаем. По разным соображениям, чаще просто не боимся попасть в неудобную эмоциональную ситуацию. Ну, и тянется это какое-то время, пока некто решает: а, так ты не хочешь принимать решение, когда оно очевидно? Что ж, тогда не жалуйся, когда его примут за тебя. И случается нечто, что ситуацию как бы развязывает, но при этом тебе очень неприятно, а иногда и по деньгам убыточно.

– Некто?

– Ну да. Считай это решением твоего Ангела, или вмешательством высшего разума, или судьбой, которую не обманешь, но это всегда именно так: если ты не принимаешь нужное решение, его принимают за тебя. Но есть подвох: ты должна извлечь урок, и если ты его не извлечёшь, ты снова попадёшь в точно такие же условия и тебе снова придётся решать. В общем, где-то так. Я думаю, что сейчас решение приняли за тебя и ты наконец сделаешь то, что должна сделать.

– Эзотерика какая-то... Я понимаю, что нужно как-то на это всё реагировать, но дело в том, что я совершенно не злюсь, мне всё равно.

– Лен, какая разница. Это отличный повод избавиться от обременительных отношений, которые давным-давно нужно было закончить, и ты это знаешь, и давно знаешь, вот что плохо. Знала, но ничего не делала, боялась что-то менять, не хотела ссориться – ну, как обычно. А ведь это неправильно. Где-то ходит именно твой человек, а ты не можешь с ним встретиться, потому что увязла в неких очень высоких отношениях. Настолько высоких, что их сути ты и сама не понимаешь. Зачем ты с ним живёшь, если ты его не любишь, он тебя не любит, ты его

не уважаешь, как и он тебя? Вот объясни мне, зачем это тебе нужно? Я понимаю, зачем это ему, но тебе-то какая польза? Чтоб замужней дамой считаться? Чтоб маман тебя не грызла? Зачем?

– Просто мы давно вместе... и куда пойдёт Сергей, если я с ним разведусь?

– Ему сорок один год, он уже достаточно большой мальчик, чтобы позаботиться о себе. – Ровена прикончила колу и спрятала пустую банку в пакет. – Точно так же, как он умеет пристраивать свой член, он пристроит и всё остальное. У него просто не было необходимости, вот он и расслабился, но это не страшно, напряжётся. Так что ты думаешь с ним делать?

– Не знаю... Я хочу, чтобы всё решилось как-то без моего участия. Чтобы я пришла домой, а он уже забрал вещи и уехал. Куда-нибудь.

– Идиотская привычка избегать любого конфликта, даже в ущерб себе. Причём работает это у тебя как-то выборочно – только в личных отношениях. – Ровена сердито посмотрела на неё. – Ленка, я в принципе не понимаю, чего ты боишься.

– Я не боюсь. – Лена вздохнула. – Рона, я не хочу в этом участвовать. Разборки какие-то, что-то надо говорить, и...

– О боже ж мой! Ленк, тут уж как водится. Либо ты сейчас что-то решаешь в свою пользу, либо, насколько я знаю типаж твоего супруга, он немедленно начнёт кампанию активного покаяния под благовидным флагом спасения вашего брака и зальёт тебя потоками показной романтики насчёт второго шанса. Если ты на это клюнешь – хотя отлично будешь знать, что всё это лажа, но клюнешь просто чтобы не вступать в скандал, – то после пожалеешь, и не раз.

– Ты мне предлагаешь сыграть обманутую жену?

– Более удобного случая может и не представиться. – Ровена достала из пакета ещё одну банку шипучки и открыла её. – Он станет осторожнее, затаится, и ты его потом вообще не выдворишь – повода не найдёшь, а без повода ты не сможешь дать ему пинка. Ну, так вот: как раз сейчас у тебя появился отличный повод, вполне законный даже в твоих собственных глазах, а главное – ему возразить будет нечего, ты же его со спущенными штанами поймала.

– Тоже верно. – Лена снова вздохнула. – Что бы он ни сказал, всё это не перевесит того, что я видела. Чёрт, мать меня просто со свету сживёт...

– Лен, а ты не хочешь под это дело и маме пистон вставить? Ну, под соусом расшатанных нервов? Чтобы перестала наконец совать нос в твою жизнь, в которой она, по сути, вообще никогда участия не принимала.

– Ну, своей-то жизни у неё нет.

– Это не твоя вина, а её собственный выбор. Так что ты подумай, случай уж очень удобный, чтобы развязаться со всеми, кто висит на тебе столько лет. Пули это тоже касается. Никогда не любила эту подхалимку.

– Я знаю. – Лена вздохнула. – Ты насчёт неё оказалась права. Пустышка, обычная пустышка. Столько лет притворялась подругой, а сама... Ты была права.

– Я всегда права, пора бы тебе привыкнуть. – Ровена стряхнула песок, высохший на ногах. – Я всегда знала, что она собой представляет, как и твой супруг, хоть ты и задвигала мне насчёт высоких отношений. Так что самое время дать пинка всем, кто отягощает своим присутствием твой быт и засоряет твою энергетику. Маму тоже не забудь, кстати. Она вообще энергетический вампир.

– Ты что, в эзотерику ударилась?

– Ну почему – ударилась? Так, поинтересовалась, кое-что для себя нашла. И что ты теперь будешь делать?

– Подумаю. – Лена доела шаурму и отправила смятые салфетки в пакет для мусора. – Мы с тобой чудовища какие-то, да?

– Отчего это?

– Ну, сидим тут, планируем такое...

– Лен, другой жизни у тебя нет. И провести её рядом с никчёмным, неумным и мелким мужиком – глупо и непростительно. Мужчина, который рядом, должен вызывать уважение. Прежде всего – уважение. Ну, и страсть тоже. У меня страсть прямо пропорциональна уважению, то есть если уважаю – буду с ним спать. Ну, конечно, если его запах мне понравится. Не уважаю – всё, досвидос, на пушечный выстрел не подпущу к себе.

– Я просто привыкла, что он всегда есть... и не всё у нас было плохо, когда-то было отлично.

– А потом прошло. – Ровена безжалостно ухмыльнулась. – Ленк, отношения – это не навсегда. Нет, в идеале, конечно, мы хотим навсегда, но много ли ты знаешь людей, у кого это получилось? Не чтоб просто жили вместе в одной квартире, давно чужие друг другу, но типа вместе, а именно чтоб любовь там, взаимное уважение, страсть... много таких пар ты знаешь? Ну, мои родители, конечно, а так? Семья – штука очень зыбкая, ухватить не за что, и часто то, что мы принимаем за семью, таковой не является, лезут какие-то другие соображения: материально-квартирные, например. А семья... Вот есть она, и всё как будто неплохо, но в какой-то момент ты чувствуешь скуку. И тут либо вы оба начинаете над отношениями работать, если хотите их сохранить и дороги друг другу, причём работать вдвоём, а ты работаешь одна, и не потому, что человек тебе дорог, а чтоб не затеваться с разводом. И толку от этого никогда не будет, потому что скуку чувствуешь ты и работаешь над отношениями ты, а ему охренеть как удобно с тобой, и правда в том, что вам обоим друг на друга, по сути, давно уже наплевать, это самое главное, и никакие девайсы ничего не изменят. В общем, решать тебе, но упускать такой случай глупо.

– И я останусь одна в тридцать пять лет. – Лена смотрит на реку, понимая, что снова хочет окунуться. – У тебя хоть Тимка есть...

– Ленк, да ты сначала разрули бардак в своей жизни, а потом принимайся маяться бабскими страхами. – Ровена отставила недопитую банку. – Идём, ещё маленько поплаваем, вода классная сегодня.

– У тебя всё как-то очень просто получается.

– А зачем усложнять простые вещи? – Ровена потрянула высохшими волосами. – Ленк, не надо издеваться над собой самостоятельно, с этим вполне успешно справляются другие люди. Идём, давай поднимайся, искупаемся – и дальше в социум, делать вид, что мы с ними.

– А мы не с ними?

– Нет, Ленка, мы сами по себе. Именно потому мы должны мимикрировать и вливаться в общество. Так что искупаемся, и всё, поедem дальше мимикрировать и вливаться, чёрт с ними.

Они вошли в прохладную воду, и Лена поплыла вслед за Ровеной, и были только она, река и небо. И больше, как оказалось, никто ей не нужен.

3

Кувшинки влажно желтеют на воде, и Лена ощущает себя в абсолютном покое. Ровена права, сегодня придётся сыграть роль, предписанную социумом, иначе её жизнь никогда не будет принадлежать ей самой. Вот как сейчас. И непонятно совершенно, зачем она так долго загоняла себя в рамки, придуманные для неё кем-то другим.

– Рона, а ты никогда не жалела, что... ну, что всё так у тебя сложилось?

– Кое о чём жалела. – Ровена снова улеглась на воду, подставив лицо солнцу. – Помнишь, у меня в детстве кукла была большая, ходячая? Папа из Вильнюса привёз, в длинном платье, с кружевами, с длинными светлыми волосами и ресницами загнутыми? Мы тогда играли в принцесс, и я ей корону делала, и себе тоже... помнишь?

– Куклу твою? Конечно, помню. Завидовала люто, хоть бабушка и утверждала, что моя-то Маша лучше, она гэдээровская, а твоя – «отечественная», но твоя была большая и умела ходить... А при чём тут кукла? Снова эзотерика?

– Никакой эзотерики. – Ровена, лежащая на воде с закрытыми глазами, улыбнулась. – Она у родителей жила, а когда они переезжали, то кукла куда-то делась. Вот о ней я очень жалею, на Молотке ищу время от времени, но пока не нашла.

– Я же серьёзно спрашиваю. О чём-то фундаментальном, так сказать.

– Так и я тебе серьёзно. – Ровена опять улыбнулась. – Ленк, ну а толку жалеть о чём-то фундаментальном, чего ты уже никак не изменишь? Пока ты сожалеешь, твоя жизнь проходит.

Лена перевернулась на спину и попыталась улечься, но тут же хлебнула воды и закашлялась. Рука Ровены поддержала её, пока она откашлялась и снова смогла плыть.

– Тебя в Средние века сожгли бы как ведьму. – Лена ткнула Ровену пальцем в бок. – Помнишь, их водой испытывали? Вот так бросили бы тебя в реку, улеглась бы ты на волнах, тебя бы выловили и сожгли немытые монахи.

– На волнах так не лежится. – Ровена погладила пальцами лист кувшинки. – Лицо заливают. Только если маску надеть, чтоб в нос вода не попадала. А монахи... пусть бы они меня сначала поймали – в реке-то. Плавать тогда умели очень немногие граждане, да и мыться считали греховным занятием. Оно и понятно, мыла не было, а мытьё без мыла – занятие не то чтобы греховное, но зряшное практически... О, а это ещё что?

На берегу рядом с их пледом уселся какой-то парень. Ровена близоруко прищурилась, но без линз ничего не могла рассмотреть, зато Лена отлично разглядела. Парень был высокий, мускулистый, в синих джинсах, распахнутой бежевой рубашке с короткими рукавами и отчего-то босиком. Хотя на песке логично быть босиком, вот только обуви не видать рядом.

– У меня в сумке наши телефоны и ключ от машины. Не хватает ещё, чтоб их украли. – Ровена поплыла к берегу. – Ленк, не отставай.

Берег приближался, Лена опасливо рассматривала парня. Выйдя на мелководье, они побрели по тёплой воде. Лена поёжилась – она не любила конфликтов, а сейчас это вполне может случиться. Интересно, как только Ровена не боится? А ведь не боится ни капли.

Ступив на мокрый песок, они направились к расстеленному пледу. Парень сидел на песке, опустив голову на колени, лица не видно, но он очень крупный, мускулистые руки и хорошо накачанные плечи норовят разорвать ткань рубашки – хорошей, дорогой. Лена мысленно вздыхает – нет, это не пляжный воришка и не наркоман. Ноги его в песке, видно, что шёл он босиком. На левой ступне кровь, она сочится в песок.

– Едем домой, Ленк?

– Ага. – Она с опаской поглядывает на кучку их одежды. – Рона, там могут быть змеи... в шмотки могли заползти...

– Сейчас проверим. – Ровена достаёт из сумки телефон, выставляет мелодию и бросает вибрирующий и громко играющий тяжёлый рок аппарат поверх халата, который перед купанием выдала Лене. – Смотри, никого.

– Оно и понятно, от такого все микробы уже разбежались, не то что гадюки.

Ровена подала Лене халат и сама надела свой, парень сидел спиной к ним, опустив голову на колени. Он никак не отреагировал на их появление, и Лене кажется это странным, но какая разница, если надо просто поскорее уйти – от греха подальше.

– Эй, ты в порядке? – Ровена стряхнула с пледа песок и принялась складывать его. – Ты меня слышишь? Ты в порядке?

– Рона, может, он пьяный, идём...

– Может, и пьяный. – Ровена подала ей сумку и вернулась к парню. – Эй, с тобой точно всё в порядке?

Он медленно поднял голову – на Ровену глянули небольшие карие глаза со слегка расфокусированным затуманенным взглядом.

– Ты как, нормально?

– Не знаю. – Парень огляделся. – Где я?

– Ты на берегу.

– Я... понимаю... Город какой это?

– Да, трава тебе попалась хорошая. Александровск это. – Ровена тронула его за плечо. – Не вздумай лезть в воду, ты что-то принял, утонешь.

– Я... ничего не принимал. – Парень смотрел на Ровену растерянно и беспомощно. – Я... мне надо позвонить... – Он попытался встать, но его качнуло, словно сидел он не на песке, а на палубе корабля в шторм. – Чёрт... мне очень надо позвонить...

– Где ты живёшь? Как тебя зовут? – Ровена поддержала его, не давая ему упасть. – Эй, ты меня слышишь? Не отключайся!

– Я...

– Рона, кто-то сюда идёт.

Ровена кивнула и подтолкнула парня к зарослям ивняка, на ходу забросав песком следы крови.

– Рона...

– Тихо.

Лена поёжилась – ситуация какая-то странная, да это кто угодно может быть, сейчас лето, на берегу много людей тусит, у молодёжи каникулы, жара стоит адская. От одной мысли, что ей сейчас придётся втиснуться в свой костюм, Лену замутило.

По берегу прошли двое – и по тому, как они шли, молча, опустив головы, словно собаки, приносивающиеся к следу, Лена вдруг поняла, что не с добром они здесь, и парень этот, похоже, от них сбежал. И, вполне возможно, что вляпались они сейчас в очень неприятную историю.

– Идём.

Ровена с усилием подняла парня и подтолкнула его в сторону полосы песка.

– Он же босиком! – Лена почти бежит к машине, раскалённый песок обжигает ей ноги. – Рона, он не пройдёт!

– Пройдёт. – Ровена почти тащила на себе парня, а он шёл с видимым усилием, но спокойно, словно его босые ноги и не обжигал песок. – Он под какой-то наркотой, она для него как анестезия сейчас. Да и выбора у него нет. Видишь, ссадины на руках, две тонкие полосы? Если они не от наручников, то я – папа римский. Нет, что-то нехорошее с ним стряслось, и бросить его здесь никак нельзя.

Добравшись до кустов, среди которых они спрятали машину, Ровена с облегчением вздохнула, открыла дверцу и толкнула парня на заднее сиденье. Он покорно сел, но его ноги

были всё ещё на песке, и Ровена, дотронувшись до его ступней, сокрушённо присвистнула и полезла в сумку.

– Рона, что ты там копаешься, надо уезжать отсюда!

– Ноги ему надо остудить, пожгло песком.

Она открыла бутылку минералки и вылила её на босые ступни парня.

– Поранился где-то, вот глубокий порез, видишь? Раскалённый песок должен был ему адскую боль причинить.

– Сама говоришь, накачался он чем-то. – Лена отвернулась, чтобы не видеть манипуляций Ровены с ногами парня. – Ужасно...

– Да ладно, Ленка. Это ещё не ужасно. Вот родишь, тогда всё об «ужасном» поймёшь.

– Дурацкая манера – пугать нерожавшую женщину. – Лена раздражённо фыркнула. – Так и вовсе люди на Земле переведутся.

– Не переведутся, индусы и китайцы размножаются просто неистово. Непонятно, правда, зачем, но тенденция тем не менее в наличии.

Ровена бросила пустую бутылку под сиденье, помогла парню переместить ноги в салон, хлопнула дверцей, и через минуту машина уже летела по Набережной, рискуя нарваться на дорожных вымогателей, но Лене казалось, что едут они недостаточно быстро.

– Рона, мы куда?

– Ко мне домой, куда же ещё. – Ровена фыркнула. – Всё, планы псу под хвост. Но надо его как-то определить, не бросать же.

– Ну да.

Лена оглянулась назад. Парень сидел неподвижно, его карие глаза смотрели в одну точку, и взгляд был какой-то совершенно неживой, как и весь он, большой, наголо выбритый, тоже казался неживым, и только частое дыхание разрушало его сходство с трупом.

– Предложи ему пить, может, он хочет.

Лена достала из сумки тёплую банку.

– Степились кола совсем, а воду ты ему всю на ноги вылила. – Осторожно открыв её, чтобы шипучка не вырвалась наружу и не залила салон, Лена протянула банку парню. – Ты пить будешь? Гадость, конечно, но больше нет ничего.

Он молча взял банку и отхлебнул, закашлялся, потом снова отхлебнул и принялся жадно пить. Лену даже передёрнуло – так пить тёплую шипучку мог только человек, мучимый жаждой, а на берегу он воду из реки пить не стал отчего-то.

– Всё, приехали.

Машина зарулила во двор, ворота опустились, закрываясь за ними.

– Тимка сегодня у Карины тусит, явится вечером, так что выгружайтесь. Дьявол, песка натаскали... ну, ладно.

Они вытащили парня из салона и повели к дому. Ровена открыла дверь, и Лена застонала от наслаждения: уходя, Тимка оставил включенным кондиционер, и зайти в прохладный дом прямо с жары было всё равно что вырваться из ада под сень соснового, например, леса. Парень переступил порог, неловко качнулся, опершись о стену, попытался удержаться в вертикальном положении, но что-то в его организме подало ему сигнал выключения тревоги, и он молча сполз по стене.

– Ну вот, тащи его теперь... Ленка, да не стой ты, а помоги. – Ровена взяла лежащего под руки. – Бери за ноги, отнесём в гостевую спальню. Песок с него сыплется в прямом смысле слова...

– Рона, послушай, а если это бандит? Проснётся и прикончит нас обоих?

– Ну, значит, туда нам и дорога, раз мы такие дуры, что подбираем бандитов на берегах рек. – Ровена втащила незнакомца на кровать и подложила ему подушку под голову. – Ладно,

Ленка, не бойся. Езжай домой, разбирайся со своим изменщиком – по всей строгости закона, а я уж тут сама.

– Ага, сейчас. – Лена порылась в пляжной сумке, отыскала свой телефон. – Перенесу встречи, не умрут же они там без меня. Дашь мне халат? Мне в душ надо...

– Возьми в шкафу, и полотенце тоже.

– Знаю я, где полотенца. – Лена с сомнением посмотрела на лежащего. – Рона, здоровый он, смотреть страшно. А вдруг маньяк?

– Сексуальный? Заманчиво...

– Тебе всё смех. – Лена фыркнула и вышла, заскрипела дверца шкафа. – Я зелёный халат возьму, ладно? Он на завязках.

– Да бери что хочешь, только душ надолго не занимай, я тоже хочу купаться.

Парень на кровати спал тяжёлым сном, и Ровене показалось, что дышит он как-то уж слишком часто, но тут ничего нельзя было поделать, разве что вызвать врача.

– Ах ты чёрт... А ведь это мысль!

Достав телефон, она набрала знакомый номер. Конечно, кузен не обрадуется её звонку, но делать нечего.

– Валь, это я.

– Рона? Что случилось? – Валентин отлично знал, что звонит ему она в самых крайних случаях. – С Тимкой что-то?

– Нет. – Она вздохнула. – Валь, ты не мог бы приехать ко мне? Тут у меня проблема, похоже. Не телефонный разговор...

– Травма? Болезнь? Отравление?

– Скорее последнее.

– Сейчас буду.

Ровена отложила телефон, думая о том, что неплохо было бы сейчас пойти под душ, вымыть голову, переодеться в чистое, да только в душевой кабинке Ленка. Можно, конечно, пойти в Тимкину ванную, но оставлять лежащего парня без присмотра ей отчего-то не хочется. И дышит он слишком неровно. В прямом смысле слова.

Ровена с интересом рассматривала гостя. Высокий, накачанный мужик лет сорока, с очень короткой стрижкой – если это вообще можно назвать стрижкой. И ведь не похоже, что он лысеет – просто носит такую причёску, а это очень большой минус в её глазах – либо он хочет казаться крутым до невозможности, хотя на вид он и так достаточно крут, либо он полный придурок. Нет, не похож, судя по недавнему короткому разговору, но что можно сказать о человеке, находящемся под воздействием какого-то вещества?

Ровена хмыкнула. Очередной глупый качок, мнящий себя пупом Земли. Что же он принял, а главное – зачем? Ведь он не похож на человека, которого кто-то мог заставить выпить что-то, но факт, как говорится, налицо. Да, лицо – загорелое, самое обычное: короткий прямой нос, сильная челюсть и небольшие глаза – карие, она разглядела. Один из тех мужчин, которых она и на пушечный выстрел к себе не подпустила бы, – куча глупого мяса, реагирующая только на первичные позывы.

Карманы у парня пустые, на теле нет никаких татуировок, но на сгибе локтя видны следы от инъекций. И тем не менее он не наркоман, потому что следа всего три. А на запястьях ссадины, словно от верёвки или наручников, они должны чертовски болеть, но парень так накачан наркотиками, что не ощущает этого.

– Во что же ты влип, дружище?

Ровена принесла таз с водой и помыла незнакомцу руки, потом ноги. Глубокая рана на левой ступне снова начала кровоточить, Ровена тщательно промыла её от песка сначала чистой водой, потом с марганцовкой, а после перекисью водорода, наложила заживляющую

мазь. Точно так же обработала ссадины на руках, радуясь, что парень без сознания, потому что все эти манипуляции очень болезненны, если человек в нормальном состоянии.

В ворота позвонили, и Ровена невольно вздрогнула. Это либо приехал кузен, либо кто-то чужой, и этот чужой вполне может оказаться не слишком дружелюбно настроенным, потому что те мужики, что шли сегодня по берегу, были совершенно не похожи на отдыхающих.

– Валь, ты?

– Конечно.

Ровена открыла ворота из дома и с облегчением выдохнула: никогда ещё появление её кузена не было так кстати.

Валентин прошёл мимо клумб и вошёл в дверь, блаженно вздохнув.

– Как это ты догадалась кондиционер включить?

– Тимка не выключил, когда уходил, вот и мёрзну теперь.

– Тогда понятно. – Валентин разулся и взглянул на Ровену исподлюбья. – Когда ты мёрзнешь, все нормальные люди чувствуют себя отлично. Что стряслось-то?

– Мы с Ленкой были на пляже...

– Посреди дня? Прекрасное, богоугодное занятие, а если вместо работы, так и вовсе роскошно получается. Красиво жить не запретишь. – Валентин возмущённо засопел. – Так что стряслось? Зачем я тебе столь срочно понадобился?

– Ты дашь мне договорить? – Ровена с трудом подавила желание обругать его прямо с порога. – Парень там был... мы его сюда привезли, потому что он, похоже, что-то принял и теперь дышит странно, я не знала, кому ещё звонить...

– Вы выбрали на берегу наркомана, и ты не нашла ничего лучше, как притащить его в свой дом?! – Валентин даже остановился. – Рона, ты с дуба рухнула?

– Валь, он не наркоман. Идём же.

Она буквально втолкнула кузена в комнату, и тот остановился как вкопанный, глядя на лежащего во все глаза.

– Пашка?!

Ровена поняла, что происходит нечто странное, но пока было очевидно только одно: Валентин знаком с её гостем и его нахождение здесь кузена отчего-то сильно радует.

– Пашка! – Валентин наклонился над лежащим, пощупал пульс, приоткрыл веко. – Следы от инъекций... срочно нужна токсикология... сердечный ритм неровный, ещё бы, накачали тебя, брат, знатно.

Он посмотрел на Ровену, и взгляд его стал очень непривычным – тёплым, радостным.

– Где ты его подобрала, говоришь?

– На берегу, Валь. Недалеко от «Совы» – ну, платного пляжа. Мы купались с Ленкой, глядим – а он около наших вещей сидит. Вот в таком виде, как сейчас. Босиком, кстати. Я сначала подумала, что пьяный, а потом решила – спрошу всё-таки, в порядке ли он, а то ведь в воду бы полез и утоп, если пьян. А у него один глаз на север, другой – на юг, и спрашивает, какой это город? У него рубашка вот эта кучу денег стоит, и джинсы тоже, то есть не похож он на наркомана или алкаша. Ну, вот я его и привезла – думала, пусть отоспится, а он так дышит... Валь, ты знаешь его?

– Ещё бы. Это Паша Олешко, мой хороший друг. – Валентин достал сотовый, потом, минуту подумав, поднял взгляд на Ровену. – Бери свой телефон, сейчас будешь звонить.

– Кому?!

– Рона, пожалуйста, хоть раз в жизни не спорь со мной, хорошо? Просто сделай то, что я прошу.

– Ну, ладно-ладно...

Озадаченная, Ровена выудила мобильник из кармана и вопросительно посмотрела на кузена.

– Вот номер. Там будет мужчина, зовут Александр Михайлович. Скажешь ему следующее: «Я нашла ваши потерянные ключи, можете заехать по такому-то адресу». И продиктуешь свой адрес.

– Валь, ты сдурел?

– Рона, послушай меня. Так надо. Ничего не спрашивай, просто сделай то, о чём я тебя прошу, потом объясню. Ну же!

– Ладно.

Чувствуя себя дура душой, Ровена набрала номер и, услышав глуховатый голос на другом конце провода, или что там у этих сотовых, проговорила текст. В телефоне повисло молчание, собеседник, видимо, тоже завис, услышав этот феерический бред, Ровена уж совсем было решила нажать на кнопку «отбой», но голос вдруг сказал:

– Понял. Если я заеду в течение ближайших двух часов, это будет удобно?

– Конечно.

– Тогда скоро я буду у вас. Хорошо, что вы нашли ключи, мы обыскались уже.

Отложив сотовый, Ровена устала на Валентина, который снова склонился над лежащим, шупая его пульс.

– Это Ленка у тебя в душе?

– Ага.

– А нельзя её домой отправить? – Валентин тяжело повернулся, скрипнули пружины матраца. – Дело очень непростое.

– Мы вместе его нашли. Толку её отправлять домой, она всё знает.

– И разболтает. – Валентин вздохнул. – Знаю я её.

– Колоть ей смертельную инъекцию я тебе не позволю.

– Шуточки... – Валентин вздохнул. – Вот что у тебя за манера – из всего на свете устраивать балаган? Тут дело серьёзное, а ты...

– А что – я? Я привезла сюда твоего приятеля, вызвала тебя, позвонила невесть кому и произнесла какую-то ахинею, и я же устраиваю балаган? Что у тебя за манера вечно меня воспитывать? Ты мне кто, отец родной?

– Отца ты почти довела до инфаркта давно, как и мать!

– Тем не менее они оба живы и здоровы. А ты...

Парень на кровати снова часто задышал, и Валентин, схватив чемоданчик, с которым приехал, принялся перебирать какие-то лекарства.

– Знать бы, что тебе вкололи... Рона, когда он говорил с тобой, что ты заметила, кроме расфокусированного взгляда?

– Ничего, кроме того, что песок на пляже его не обжигал. Вернее, обжигал, но он вроде этого не замечал, а песок был горячий, ступни у него поранены чем-то, и на запястьях тоже раны.

– Вижу. Чем ты их обработала?

– Промыла водой с марганцовкой, потом перекисью залила, и вот... мазь наложила.

– Дай-ка свою мазь. Накупят всяких шарлатанских средств... – Валентин, скептически прищурившись, взял тюбик, прочитал состав и хмыкнул. – Что ж, всё правильно сделала, молодец. Боли не замечал, говоришь... а пил он много?

– Взахлёб, мы ему кока-колу дали, она тёплая уже была, но ничего больше не оказалось, я ему водой ступни охладила, так он колу пил так, словно жажда его мучила, а когда на берегу сидел, воду из реки пить не пытался – вот что странно.

– Он, скорее всего, не понимал, что там вода. – Валентин достал шприц. – Сейчас я возьму у него кровь, а ты поедешь в лабораторию, я позвоню, тебя будут ждать. Сделают токсикологический анализ и выдадут тебе лекарство, привезёшь. И позвонишь Ларисе, догово-

ришься встретиться и объяснишь, что произошло, – но не вздумай по телефону болтать, только при встрече. Всё поняла?

– Поняла, что тут понимать-то... Валь, что происходит?

– Рона, недосуг болтать. – Валентин вручил ей пакетик со шприцем, полным крови. – Езжай сейчас же. И... спасибо, сестрёнка.

Ровена даже не нашлась, что сказать, так неожиданно прозвучала последняя фраза.

– Привет, Валь.

Ленка, вышедшая из душа, вся по-злодейски чистая и влажная, с любопытством заглянула в комнату.

– Лен, свари чего-нибудь пожрать. – Валентин снова что-то искал в своём чемоданчике. – Рона, поторопись, пожалуйста, время сейчас очень много значит.

Ровена сунула ноги в босоножки, схватила со столика ключи и вышла из дома – прямо в пекло. Машина завелась, Ровена открыла окна и выехала со двора. Шприц с кровью, упакованный в прозрачный пакетик, она спрятала в сумку, и теперь сумка лежала на переднем сиденье, словно бомба с часовым механизмом.

Остановившись на светофоре, Ровена посмотрела направо – на соседней полосе стояла маршрутка, битком набитая людьми, истекающими потом. Спрессованные в единую субстанцию, из которой выглядывали раскрасневшиеся лица, они цеплялись за поручни. Представив, что сейчас творится внутри этой душегубки, Ровена, удовлетворённо хмыкнув, тронулась. Хорошая вещь – машина. И отличная штука – лето. Непонятно, отчего граждане жалуются.

4

Солнце палило и палило, и он брёл по песку, изнывая от жажды. Ноги саднило и жгло, в песке попадались сухие и очень острые стручки акации, а скрип сухого горячего воздуха в воспалённой груди доводил его до иступления. Пить... хоть немного чего угодно, пить...

Капля упала ему на грудь, потом что-то влажное и спасительно прохладное коснулось лба.

Павел открыл глаза и сразу же об этом пожалел. Сквозь жалюзи пробивался свет, глаза нестерпимо болели, Павел застонал и попытался встать, его замутило, боль в голове запульсировала и пригрозила убийством. А самое главное – он понятия не имел, где в данный момент находится и как он сюда попал. Комната незнакомая, воспоминаний никаких, только тупая боль в ступнях и запястьях и жуткая боль в голове.

Кто-то подал ему кружку, полную восхитительной прохладной воды, и он принялся пить, не думая ни о чём кроме того, что жажда наконец перестанет его изводить. С каждым глотком он всё больше осознавал себя, несмотря на жуткую тошноту и боль, приподнялся – какая-то комната, полированная чёрная мебель, букет в вазе... Бежать!

– Паш, не дёргайся, пожалуйста, капельницу завалишь. Рона, поправь ему компресс. Да намочи его заново, бестолочь!

Голос знакомый, и при его звуках Павел ощутил себя в полнейшей безопасности, и с этим ощущением пришёл сон – настоящий, а не обморочный. Павел уснул, как не спал уже бог знает сколько дней, потому что этот голос извне означал только одно: его мучения закончились.

– Валь, что с ним?

Ровена с сочувствием смотрела на большого сильного мужика, беспомощного и неподвижного. В той бумажке, что ей дали в лаборатории, она ничего не поняла, но лекарство привезла честь честью, и сейчас, когда Валентин, наладив капельницу, подсоединил пациента к системе, она уверилась, что с её гостем будет всё в порядке.

– Название препарата тебе ничего не скажет, но накачали его им по самую завязку. А до этого кололи смеси самых разных веществ. – Валентин прикрутил колёсико капельницы и взглянул на сестру. – Рона, сейчас сюда приедут... ты прости, но будет довольнолюдно. Веди себя прилично, пожалуйста, без этих твоих вечных штучек. Мы... мы искали его четыре дня. Он пропал неожиданно, вернее, не пропал, его похитили, увезли, и... мы все беспокоились о нём. Ты даже представить не можешь, как я тебе благодарен, что ты его не бросила. Впрочем, это вполне в твоём стиле, конечно, но в данном случае твой поступок помог моему другу. Я...

– Хватит рассыпаться – рассыплешься совсем. – Ровена, хмыкнув, скорчила презрительную гримасу. – Дурак ты, Валька. И всегда таким был. Жену свою воспитывай, а я сама по себе.

Она вышла из спальни, тихо прикрыв за собой дверь, и Валентин вздохнул. Поверить невозможно, что когда-то они с Ровеной были закадычными друзьями, несмотря на разницу в возрасте. Всё закончилось, когда она собралась замуж за Гошку Денисова, известного хулигана и заводилу, к двадцати годам успешного обзавестись скверной репутацией. Любовь у них случилась. Причём случилась она в аккурат сразу после выпускного в школе, и Ровена, сдав вступительные экзамены в институт, выскочила замуж. Именно тогда они поссорились – Валентин очень любил свою тётку Марину, сестру его отца и мать Ровены. Она была спокойной, улыбчивой женщиной, и Ровена досталась ей, видимо, по ошибке либо же для того, чтобы в её жизни были испытания, после которых тётку без всяких проволочек обязательно пустят в рай. Выходки Ровены очень печалили всё семейство, особенно же тётку Марину. Но поделаться со своей строптивой дочерью она ничего не могла, как и отец Ровены, дядя Альберт, талантливый художник, натура тонкая и творческая.

Буйный характер Ровена унаследовала невесть от кого. Все в их семье были спокойные, очень упорядоченные люди, и Ровена со своими выходками и стремлением во что бы то ни стало сделать всё по-своему совсем не вписывалась в их семейство, хотя её все любили и гордились ею, красавицей и умницей, а её проделки воспринимали с весёлой покорностью – ну, что ж, бывает и хуже, что теперь делать, когда девочка получилась такая?

Правда, отец Валентина, порывшись в ветвях генеалогического древа, отыскал на одной из веток какого-то забулдыгу-варяга, воевавшего в армиях королей и императоров в качестве наёмника, невесть как попавшего в армию Александра Первого и женившегося на дочери генерала Забелина. Варяг нашёл свою смерть на поле боя, успев оставить молодой жене баронский титул, не обеспеченный никаким имуществом, кучу долгов и двоих детей. Дело было давнее, но Ровена, видимо, именно от этого далёкого предка унаследовала свою абсолютную бесшабашность. И когда она принялась творить одну глупость за другой, а в итоге оказалась беременной на третьем курсе института, Валентин не выдержал и высказал сестрице всё, что думал по поводу её поступков. Именно тогда их отношения испортились навсегда. Ровена, не выбирая выражений, обругала его дураком и сундуком, что было очень обидно, отчего это – сундук? – и прервала с ним дипломатические отношения.

Конечно, Валентин оказался прав – Гошка Денисов был ей совершенно не парой, и через полгода после рождения Тимки Ровена с ним развелась. И, конечно же, ей бы пришлось бросить институт, но она не бросила, потому что новоиспеченная бабушка Марина взяла на себя все заботы о маленьком Тимке, пока дочь догрызала гранит науки.

Тимка рос всеобщим любимцем, но оказался ребёнком, о котором принято говорить – «не детсадовский». Активный, не по годам развитый и языкастый, похожий на Ровену как две капли воды, он цеплял все микробы и вирусы, как только попадал в детский коллектив, а любая инфекция у него осложнялась ещё и тяжёлым бронхитом. Тётка Марина в панике звонила Валентину, и он приезжал, если мог, или висел на телефоне, если не мог приехать, и лечил племянника, которого очень любил. Со временем Тимка перерос хвори и окреп, тётка с мужем уехали жить в Испанию, но с Ровеной Валентин по-прежнему при встрече только здоровался, как и она с ним – он не простил ей «сундука», она сердилась за то, что он посмел влезть в её дела. Но оба молчаливо соглашались, что Тимка в их дразгах не участвует, и Валентин с удовольствием проводил время с племянником, смышлёным и очень весёлым мальчишкой, который никогда не сидел на месте, а его голос, пока не начал ломаться, невозможно было отличить от голоса Ровены.

Сейчас Тимка, вымахавший за последний год почти вровень с Валентином, всю пытался ухлёстывать за девчонками, а они любили его и висели на нём гроздьями, Валентин только вздыхал – ну, надо же, и характером весь в мать.

– Валь, поешь?

Ленка заглянула в комнату, с любопытством покосилась на капельницу. Высокая, очень стройная, смуглая, с зелёными раскосыми кошачьими глазами и вздёрнутым носиком, Ленка была полной противоположностью Ровене. Что не мешало этим двоим дружить всю жизнь. Самые изощрённые злодеяния рождались в их головах, когда они сходились вместе, словно приводился в действие некий механизм – по отдельности его детали безопасны, а соединившись, образуют неведомое науке разрушительное устройство, от которого нужно держаться подальше, но не всегда получается.

– Я тут жаркое сделала, салатик... я тебе сюда принесу, хочешь?

– Хочу. Спасибо.

Два года назад случился у Ленки перитонит – проморгал коновал в её поликлинике по месту жительства, и лопнувший аппендикс поставил Ленку практически у райских врат. Валентин оперировал её тогда сам, а в коридоре, как пантера в клетке, металась Ровена. Похоже, больше до Ленки никому дела не было, ни её мужу, которого Рона называла «чемодан без

ручки», ни матери с кодовой кличкой Атомная Война, постоянно требующей денег, любви, уважения и заботы от дочери, которую она в грош не ставила и постоянно изводила с садистским удовольствием.

– Валь, ты поешь. – Ленка вкатила в комнату сервировочный столик. – Тут вот салат, это сок свежавыжатый, печенье... в общем, разберёшься.

– Тимка домой вернулся?

– Едет уже. Рона места себе не находит, когда такое происходит, ей надо, чтоб он был дома, а он, сам знаешь, какой. Скорей бы приехал. Ты кушай, Валь, пойду я.

– У тебя есть время – подождать людей? Может, вопросы будут...

– У меня вагон времени. – Ленка тронула пальцем его плечо, задумчиво глядя на лежащего парня. – Валь, что же это?

– Скверная история, Лен. Ну, ничего, главное, что он нашёлся. Спасибо за обед, проголодался я очень. Сразу сюда рванул, поесть не успел, Лариска меня, поди, потеряла.

– Не потеряла, во дворе с Юриком гуляет. Рона ей перезвонила, Лариска быстренько собралась и сюда приехала, но тебя беспокоить не стала, да и Юрику гулять хотелось. – Ленка хмыкнула. – В кои-то веки она может отпустить вашего ребёнка свободно побегать и не бояться, что он выбежит на дорогу или влезет куда-нибудь.

Валентин взялся за вилку – есть хотелось так, что живот подвело. А ведь выходной у него сегодня, хотели с женой пойти на реку, как нормальная семья. Но сначала его вызвали в больницу, а потом позвонила Ровена. Ну, да что теперь сетовать.

Павел заворочался, застонал – Валентин отставил тарелку, подошёл и заглянул ему в лицо. Бледность проступила сквозь загар, но тут удивляться нечему. Детоксикация идёт своим чередом, скоро пациент проснётся. Валентин снова сел и принялся доедать жаркое.

В коридоре слышались шаги, приглушённые голоса – в гостиной зажгётся свет, мимо двери кто-то прошёл. Валентин пощупал пульс друга – ну, это уже на что-то похоже. Он снова сел в кресло и, прислушиваясь к дыханию Павла, одновременно слышал то, что происходило за дверью.

Исчезновение Павла было внезапным и казалось какой-то дурной шуткой. Ну, как можно похитить Пашу Олешко, человека-Терминатора, отдавшего полтора десятилетия жизни участию в разных тайных операциях? Но именно так всё и выглядело на камере слежения у его дома, о которой похитители, кстати, знали, потому что сразу же проникли в квартиру Павла и уничтожили запись на компьютере. Установил камеры сам Павел, сигнал поступал на его домашний комп на запароленный диск и дублировался на сервер фирмы, где Павел работал начальником службы безопасности. Собственно, именно так и выяснили, что существовали эти камеры и что Павел был похищен, – его заместитель обнаружил запись на сервере.

Они подняли на ноги всех, кого могли, но результата не было. Павел словно в воду канул, четыре долгих дня о нём не было ни слуху ни духу, и Андрей Нефёдов, заместитель и друг Павла, предупредил, что телефоны, вполне возможно, прослушиваются, но кем? Они понятия не имели. И когда Валентин увидел Павла лежащим на кровати в доме своей кузины, он ощутил такое облегчение и радость, что едва не наделал глупостей, начав звонить Панфилову, начальнику и другу Павла, чтобы сообщить, что пропажа нашлась.

Но вспомнил предостережения Андрея и велел Ровене позвонить со своего телефона, наскоро придумав текст. Он был уверен, что многомудрый Панфилов всё поймёт правильно, и не ошибся.

– Привет, дядь Валь.

В комнату просочился Тимка, с любопытством поглядывая на кровать. Валентин улыбнулся при виде племянника – ему иногда было чудно видеть черты Ровены в этом почти взрослом парне. Те же голубые глаза с тёмными загнутыми ресницами, те же брови, прямые и светлые, тот же капризный рот и подбородок с ямочкой, и только нос и скулы Тимка взял от

непутёвого папаши Гошки Денисова, но надо отдать ему должное – это было лучшее, что он мог от него взять.

– Привет, Тимофей. Хорошо, что ты дома, мама уже волновалась.

– Мама в своём репертуаре. – Тимка уселся на соседнее кресло и вытянул длинные загорелые ноги. – Послушай, дядь Валь, что это за люди у нас в гостиной?

– Потом расскажу, хорошо? – Валентин поднялся. – Тимыч, посиди пока здесь, не хочу бросать пациента одного. А я выйду, поздороваюсь и погляжу, что там и как.

– Ты боишься, что мать пошлёт твоих дружбанов куда подальше? – Тимофей фыркнул. – На этот счёт можешь не переживать, она в порядке и ведёт себя вполне прилично, даже кличку ещё никому не прилепила.

– Всё равно посиди здесь, а я погляжу...

Он поспешно вышел, прошёл по коридору и оказался в гостиной, где на диване и в креслах сидели люди, которых он ждал. Сашка Панфилов, друг и бывший пациент, хозяин крупной питерской фирмы, его лучший друг, соратник и компаньон Максим Матвеев, талантливый архитектор, сестра Матвеева Ника и её муж, спокойный и взвешенный Лёха Булатов. Все они, связанные годами дружбы и кровным родством, так давно и прочно обосновались в жизни Валентина, что сейчас, увидев их всех здесь, он невероятно обрадовался. Уж вместе они что-нибудь придумают.

Ровена устроилась в дальнем кресле, забравшись в него с ногами, а на кухне слышались голоса Ленки и Ларисы – они, похоже, пытались накормить ужином Юрика. Голос сына, капризный и протестующий, подействовал на Валентина умиротворяюще. Все, кого он любит, собрались, и не случилось непоправимого, Павел нашёлся.

– Привет, Семёныч. – Панфилов вопросительно посмотрел на него. – Что скажешь?

Панфилов и зимой, и жарким летом всегда одинаково подтянут, одет с иголочки, чисто выбрит, а его туфли – просто эталон элегантности. Валентин не знал, как это ему удаётся, но за Сашкиным подчёркнутым щегольством прятался острый ум и невероятная интуиция.

– Накачали психотропами и прочими похожими веществами. – Валентин вздохнул. – До этого кололи всякие препараты, их названия вам ничего не скажут, следы их в крови Павла сейчас уже незначительны – жарко, с потом выходят и вещества, но, судя по их характеру, нашего Павла допрашивали, и очень тщательно. И хорошо, если он вспомнит, кто это был и на предмет чего его допрашивали.

– Что значит – не вспомнит?! – Панфилов прошёлся по комнате и остановился, вполоборота глядя на Валентина. – Семёныч, что с ним случилось?

– Не знаю. – Валентин обвёл глазами собравшихся. – Физически он не пострадал – ну, в смысле, ему не ломали пальцы, не жгли, не вгоняли иглы под ногти – ничего подобного. Но он накачан такими веществами, что будет отлично, если он сам себя вспомнит. Я вообще боюсь предполагать, как на него могли подействовать те препараты, что ему кололи. Они и поодиночке небезопасны даже в малых дозах, а в смеси могут дать очень неприятный психотропный эффект, и самое главное, эффект индивидуальный, от краткосрочной амнезии до параноидального психоза.

Из комнаты, где лежал Павел, послышался сдавленный крик:

– Мааам!

Валентин бросился туда, но Ровена каким-то непостижимым образом успела первая.

Павел выполнил классический захват – Тимка висел, зажатый его рукой, лицо его, неживое и бледное, испугало Валентина до потери пульса. Он знал этот захват, Павел вполне мог убить Тимку. И, возможно, уже убил.

Ровена страшно закричала и бросилась на Павла. Тот, не ожидая нападения, отпустил Тимку, и мальчик упал на ковёр, ногти Ровены полоснули Павла по лицу, оставив кровавые борозды, – а в следующую секунду она ударилась о стену с глухим стуком, грохнулась на пар-

кет и застыла неподвижно. Безумный взгляд Павла метнулся к вбежавшим в комнату и остановился на Панфилове, потом на Валентине. Павел сделал вдох, его грудная клетка ходила ходунком, но из взгляда исчезло безумие – он узнал их. Пошатнувшись, он опустился на кровать, по руке его стекала кровь – там, где он выдернул иглу капельницы, а лицо выглядело словно после нападения Фредди Крюгера – но Валентина это не интересовало, он склонился над Тимкой. Племянник дышал, и, похоже, был цел и невредим, просто без сознания, но в порядке.

Чего нельзя было сказать о Ровене. Её левая рука торчала под неестественным углом, а из уголка рта текла кровь.

– Рона! – Ленка, протиснувшись сквозь столпившихся гостей, присела рядом с Валентином. – Валь, что с ней?

– Рука сломана, думаю, в двух местах как минимум.

Валентин почувствовал, как вина всей тяжестью навалилась на него. Не надо было оставлять Тимку с Павлом, ведь знал же, что в любой момент тот проснётся и, увидев незнакомца, может напасть. После таких препаратов мало кто просыпается в адеквате.

– А это? Кровь изо рта?

– Возможно, она просто язык прикусила.

Но Валентин понимал, что это не так – кровь тёмная, и течёт всё сильнее. Сломанное ребро пробило лёгкое.

– Валь!

– Лена, побудь с Тимкой, Лариса останется с вами, приглядит за ним и за Павлом. – Валентин коснулся лба Ровены и поднял взгляд на Панфилова. – Сань, нужно отвезти её в больницу, срочно оперировать, твоя машина самая просторная.

– Конечно. А что...

– Ребро, сломавшись, пробило лёгкое. Надеюсь, в одном месте, но внутреннее кровотечение сильное, нужно срочно в больницу, пока она не истекла кровью.

Ленка застонала и в отчаянии заломила руки.

– Ты! – Она повернулась к Павлу, глаза её сузились, и вся она, тощая, смуглая, хищная и раскосая, стала похожа на разъярённую пантеру. – Она спасла тебя, тащила тебя через песок, от тех бандюков укрыла, рисковала, а ты её убил!

– Лена... – Лариса дотронулась до её плеча. – Павел не виноват, это всё последствия действия препаратов. А Ровена выживет, всё будет хорошо.

– Всё *было хорошо*, пока здесь не нарисовалась ваша милая компания. – Ленка присела около Тимки, которого приводили в чувство. – Отойдите от него, убирайтесь все из дома, слышите?! Все, все убирайтесь и этого с собой прихватите!

Она с ненавистью уставилась на Павла, сидящего на кровати, сжимающего в кулаке салфетку, которую кто-то дал ему, чтобы утереть кровь. Он непонимающе оглядывал собравшихся, потом взгляд его переместился на Ровену, которую Панфилов и Булатов уложили на плед. Он словно пытался что-то вспомнить и, не отрываясь, смотрел, как Ровену со всяческими предосторожностями подняли и вынесли из дома, чтобы погрузить в машину Панфилова.

– Валь!

– Лена, возьми себя в руки. – Валентин избегал её взгляда. – Остайся с Тимкой и Ларисой, а мы в больницу. Я позвоню. Обещаю тебе... слышишь? Я обещаю, что с ней всё будет хорошо.

Лена отвернулась от него и яростно уставилась на Павла. Если бы она могла, то убила бы этого безмозглого бритого уродца, искалечившего подругу. Но сейчас она нужна Тимке, а в доме Ровены куча каких-то людей, которых она впервые видит, и она не может всё это вот так оставить, хотя должна ехать вместе с Ровеной.

– Тима!

Она помогла поднять мальчика, и вместе с Булатовым они почти вынесли его из комнаты.

– Сюда.

Уложив Тимку на кровать, Лена беспомощно огляделась.

– Что... что делать?!

– Успокоиться прежде всего. – Булатов мягко погладил её руку. – Послушайте, Елена, мальчик скоро будет в порядке. Просто сомлел от захвата, но шейные позвонки целы, кости тоже...

– Вот просто уйдите. – Лена яростно прищурилась. – Это Рона, добрая душа, всех на свете подбирает и привечает, а я не такая. Будь моя воля, я бы вашего нарика в луже утопила. Уйдите и всю компанию за собой забирайте.

– Лен...

Лариса отстранила Булатова и склонилась к Тимке. Лена со злостью смотрела на скучный узел её русских волос, а Лариса тем временем ощупывала Тимку лёгкими профессиональными движениями.

– Цел, скоро будет в порядке. – Лариса повернулась к Лене: – Дело в том, что мы не можем сейчас забрать отсюда Павла.

– Что?!

– Лена, послушай... – Лариса вздохнула и отвела глаза. – Его, скорее всего, ищут. Сюда придут вряд ли, но если обнаружат – а с нами его обнаружат моментально! – то случиться может всякое. Пока Павел здесь, он в безопасности. Нам обязательно нужно выяснить, что с ним произошло, а выяснить это мы сможем, только если он расскажет сам. Он должен прийти в себя и вспомнить, тогда мы вместе решим, как быть, а пока ему лучше побыть у Роны, понимаешь?

– А ты понимаешь, что это всё – ваши трудности? Или ты думаешь, что мне не плевать, что случится с этим безмозглым куском мяса, который искалечил мою подругу, спасшую его поганую шкуру? С чего ты решила, что мне есть хоть какое-то дело до того, будет он жить или умрёт? Так вот, дорогая моя, забирайте своё бесхозное имущество и выметайтесь отсюда все – слышишь, все! Пока я не разозлилась всерьёз и не вызвала полицию.

– Лена, Рона этого бы не одобрила.

Это, конечно, удар прямо в цель – Лена знала, что Ровена оставила бы здесь всю гоп-компанию, чтобы помочь. Но дело в том, что Ровены здесь нет, а есть Тимка, который уже открыл глаза и слушает их перепалку, пытаясь понять, из-за чего ссора, а остаться с Тимкой наедине и самостоятельно объяснить ему, что произошло с его матерью, Лена не в состоянии.

– А мама где?

Тимка – почти взрослый парень, удивительно похож на мать. Почти взрослый – но всё-таки не взрослый.

– Вот тётя Лариса тебе сейчас всё и объяснит.

Кипя от ярости, Лена вышла из комнаты. Ничего, Ларка ему родственница, Валентин как-никак двоюродный дядя Тимке, вот пусть родня и объясняет. А она просто выбросит из дома всех этих людей, принесших с собой беду.

– Лена...

Наверное, в другое время эта женщина понравилась бы ей. Высокая, светловолосая, с потрясающими синими глазами, детскими и доверчивыми, немного полноватая и улыбчивая, она располагала к себе моментально. Ника Булатова, жена Алексея и родная сестра Максима, того самого, что уехал с Ровеной и Валентином в больницу.

– Лена, послушай, я понимаю, что ты сейчас чувствуешь. – Ника смотрела ей прямо в глаза, и Лена сдержалась, не наорала на неё. – Ты испугана, ты злишься, боишься за подругу, ненавидишь всех нас и не знаешь, что делать.

Лена и сама не описала бы лучше то, что кипело сейчас внутри неё, она молча смотрела на Нику, стараясь не сорваться.

– Послушай меня. – Ника дотронулась до её плеча. – Вместе мы что-нибудь придумаем. Вам с мальчиком не надо оставаться одним. Смотри, что мы сейчас сделаем. Оставим с Тимой Ларису и моего Лёшку, они присмотрят за ним и за Павлом. А мы сядем в мою машину и поедем в больницу, там подождём окончания операции.

– Эй, я с вами!

Тимка был уже вполне живой, только бледный, но взгляд у него решительный и непреклонный. Точно такой взгляд бывает у Ровены, когда она не настроена уступать.

– Хорошо, ты с нами. Лёш, останься с Ларисой, присмотри за Юриком, пока она с Пашкой там. Всё, едем. – Ника поискала взглядом свою сумочку. – Ага, вот она где...

Лена молча взяла Тимку за руку, как когда-то в детстве, и он не вырвал ладонь, а пошёл рядом.

Дверь в гостевую спальню закрыта – там Лариса что-то говорит Павлу, и Лена чувствует, как злость снова поднимается в ней. Проклятый идиот! Надо же такому случиться!

– Ника, только не лети. – Алексей взял жену за руку и коснулся губами её ладони. – Езжай осторожно, тише едешь – дальше будешь.

– Я всегда езжу осторожно. – Ника порылась в сумочке в поисках ключей от машины. – Возвращайся в дом, Лёш, Лариске нужна помощь.

Алексей кивнул и скрылся в доме, а они уселись в новенькую синюю «Хонду», и машина, сорвавшись с места, понеслась по улице. Лене стало понятно, почему Алексей просил жену ехать осторожно – похоже, эта дама вообще не знает назначения педали «тормоз».

– Пашка пропал внезапно, мы с ног сбились, его разыскивая. – Голос Ники высокий, девчоночий, и сама она оставляет ощущение какой-то детской непосредственности. – А тут звонок от Саньки, дескать, он нашёлся! А мы ведь и полицию подключили, и все связи задействовали, даже Пупсика подорвали... ой, о Пупсике я зря болтаю. И, главное, совершенно же неясно, кто мог похитить Пашку, кто вообще сумел это сделать!

– Мне всё равно. – Лена сжала губы в жёсткую линию. – Ника, вы все для меня – никто, извини. Я вас впервые вижу. И я далеко не так добра, как Рона, которая готова подбирать на улице страждущих, чтобы помочь, я бы ни за что подобного не сделала. И смотри, чем всё это обернулось.

– Я понимаю. – Ника вписалась в поворот и притормозила. – Всё, вот и больница. Но всё уже произошло, и от того, что мы будем ссориться, дела никак не поправишь. А потому давайте-ка пойдём и разузнаем, что там и как с Ровеной. Сейчас я Макса наберу и спрошу, где они.

Ника вытащила из кармана джинсов сотовый и принялась искать номер, а Лена обняла Тимку, и так они стояли в сумерках, прижавшись друг к другу, оглушённые внезапно свалившейся бедой, пока Ника говорила с братом.

– Пошли, они там.

Ника потащила Лену за руку, Тимка едва поспевал за ними. Больничный коридор пахнул им навстречу свои тускло освещённые внутренности, и Лена поморщилась. Она всегда терпеть не могла муниципальные больницы. Панфилов и Матвеев ждали их около сестринского поста, рядом открытая дверь в палату, где на койках лежат люди, укрытые убогими больничными простынями, сероватыми и пятнистыми от зелёнки. Лена отвернулась, чтобы не видеть этого.

– С ней всё в порядке, но пока её ещё оперируют. – Панфилов потрепал Тимку по плечу. – Держись, парень, всё будет хорошо, вот увидишь. Семёныч и руку Роне сейчас сделает, чтоб два раза в наркоз её не погружать, а Семёныч – спец, тут уж я свой собственный опыт имею.

Лена отошла к окну, вглядываясь в темнеющий вечер. Опыт такого общения с Валентином был и у неё, но это ничего не значит. И если Ровена умрёт, она, Лена, останется совсем одна. Конечно, она не бросит Тимку, поставит его на ноги – но ей самой придётся идти по

жизни совершенно одной, зная, что опереться не на кого. Столько лет она прожила на свете, и только Ровена всегда была рядом, готовая помочь и поддержать. И надо же было такому случиться! Ведь если бы она не побежала к Роне оплакивать свои печали вокруг утреннего происшествия с Сергеем, ничего бы этого не было. Ровена сейчас закрыла бы уже магазин и готовила Тимке ужин и была бы здорова и весела.

– Лена!

Из открытой двери палаты голос звучит словно из погреба. Лена вздрогнула – она сразу узнала этот голос.

– Лена...

Она оглянулась на открытую палату. Женщина, лежащая на крайней койке, тянула к ней худую руку, и Лена инстинктивно отступила.

– Ты всё-таки пришла!

Варвара.

Лена досадливо поморщилась. Не будь здесь Тимки и компании новых знакомых, она бы просто ушла, но вездесущая Ника уже побежала знакомиться. Лена вспомнила соседскую собачку породы грифон – такую же доверчивую и бестолково добрую ко всем, кто повстречается.

– Лена...

Она вздохнула и вошла в палату.

Варвара лежит на койке у двери. Простыня не скрывает её ужасной худобы, и это так не похоже на прежнюю Варвару, которая когда-то... да неважно теперь. То, что женщина, укрытая грязноватой больничной простыней, не жилец, видно сразу.

– Лена, пожалуйста... ты пришла, всё-таки пришла...

Видимо, все свои силы Варвара направила на то, чтобы позвать её, потому что сейчас её шёпот едва слышен. Лена вздохнула – и ведь не уйдёшь теперь... Вот дьявол!

5

Когда-то она была высокой, гибкой, смуглой, с тонкой талией и высокой грудью. Её волосы, каштановые и вьющиеся, спускались до пояса, а её лучистые зелёные глаза, раскосые и осенённые великолепными ресницами, смотрели с весёлым дерзким вызовом – ну-ка, поглядите на меня, хороша? Она была хороша. Люди оглядывались ей вслед, она не шла – танцевала, словно слушала одну только ей слышную музыку, и голос её, немного хриловатый, звучал обещанием. Ей было семнадцать лет, и Лена, тогда девятнадцатилетняя, ощущала себя рядом с ней серой мышью, бесцветной недокормленной молью, вылетевшей из шкафа с синтетическими куртками.

В женщине, лежащей под серой больничной простынёй, не осталось ни обещания, ни музыки, ни вызова. В ней вообще почти ничего не осталось. Обтянутые изжелта-серой кожей кости и глаза, глядящие будто из колодца, затравленный умоляющий взгляд которых означал одно: жизнь очень круто обошлась с этим человеческим обломком и смерть для неё – лучший выход, и он уже совсем рядом.

– Лена...

Она потянулась к ней, Лена инстинктивно отступила назад – она не хотела, чтобы эти руки касались её, словно смерть может быть заразной.

– Я надеялась, что ты придёшь, всё время надеялась...

Варвара шепчет, и рука её бессильно падает на постель, а Лена смотрит во все глаза на то, что лежит на кровати, но соотнести это с той Варварой, которую сохранила её память, не может.

– Давно ты здесь?

– Третий месяц. – Варвара смотрит на неё взглядом побитой собаки. – Я знаю, знаю: нет у меня права о чём-то тебя просить... но я не за себя прошу. Послушай меня, послушай, только не уходи...

– Я слушаю. – Лена уже справилась с собой, отгородившись от Варвары стеной в своей обычной холодной манере. – Зачем я тебе понадобилась? Нужны деньги?

– Деньги... – Варвара закашлялась, и Ника бросилась к ней, чтобы поднять ей подушку повыше. – Спасибо, милая, спасибо. Деньги... мне уже не нужны, мне ничего не нужно.

– Зачем ты посылала за мной?

– Это здешний, больничный адвокат. – Варвара помолчала, будто собираясь с силами. – Я скоро умру, знаешь?

– Ну, судя по твоему виду, похоже на то.

За её спиной ахнула в ужасе Ника. Лена поморщилась – ох уж эти добрые люди! Ведь знать не знает, что за птица приземлилась на этой койке, а туда же, ужасаться бросилась.

– Ты честна, как всегда. – Варвара закрыла глаза. – Ну, я другого и не заслуживаю, конечно. Я это знаю. Просто молодая была, глупая, не думала ни о чём, кроме удовольствий, всё казалось, что мне весь мир что-то должен... ну, теперь-то поняла, что почём в этой жизни, а толку...

– У меня мало времени.

– Это у меня мало времени. – Варвара выдохнула и замерла, словно пережидая боль. – Послушай. Я много чего натворила в жизни. Но вот что важно. У меня есть дочь. Ей пошёл шестой месяц, если она ещё жива, конечно. Они забрали её у меня, но я думаю, что она жива, я чувствую... Найди её, пожалуйста, найди, Христом Богом прошу, не дай ей пропасть.

– Где она и кто её забрал?

– Возьми у меня... под подушкой...

Лена с опаской подошла к кровати и, преодолевая брезгливость, просунула руку под подушку, нащупав пакет.

– Это?

– Да, это. – Варвара протянула руку. – Там фотография, видишь? Дай её мне, дай, хочу ещё раз на неё посмотреть.

Лена открыла плотный конверт из пластика. Какие-то справки, записи, бумаги – и несколько фотографий. На одной – Варвара с младенцем на руках. Ещё не такая страшная, но уже заметно больная. И Лена вдруг подумала: а если это СПИД?

– Вот она, моя девочка, мой ангел... – Варвара снова закашлялась. – Её зовут Яна... ну, я её так назвала. Теперь её зовут как-то по-другому, наверное. Ей на этом фото два с половиной месяца. Три месяца назад её у меня отняли. Здесь, в этом городе. Я... все эти годы работала за границей. В Голландии, потом в Турции...

– Кем работала?

– Кем ты могла работать, если не получила никакого образования! – Лена сжала кулаки. – Кем ты ещё могла работать, если всё, что ты умела и хотела, – это лежать на спине с раздвинутыми ногами! Господи, как же я ненавидела тебя, как же я желала тебе смерти – лютой, страшной, и даже сейчас мне не жаль тебя нисколько, потому что ты разрушила мою жизнь до основания, просто так, походя, потому что тебе казалось, что моя жизнь ничего не значит и что я слишком много получила, причём незаслуженно! Конечно, я знаю, кем ты «работала», – но я хочу это услышать от тебя, мне плевать, что ты умираешь, что твоя жизнь была кошмаром, мне плевать – я хочу это услышать. Да, я злобная и мерзкая сука, но это ты когда-то сделала меня такой, убив во мне всё, что было хорошего. Так скажи же мне то, что я хочу услышать, и я плюну тебе в лицо и уйду, а ты подымай и знай, что я никогда не помогу тебе ни в чём».

У Лены даже виски заломило от ярости. Через столько лет труп её врага всё-таки проплывает мимо неё. И не то чтобы она сидела на берегу реки, но если вдуматься – да, сидела. Потому что когда-то давно Ровена не позволила ей отомстить. И она была права, она всегда права. И вместо того, чтобы сейчас пойти и узнать, как там дела у подруги, Лена вынуждена стоять здесь. Только осознание того, что труп всё-таки проплыл, не позволяет ей сейчас развернуться и уйти, она хочет насладиться этим моментом.

– Проституткой была. – Варвара смотрит на неё отстранённо и безразлично. – Кем я ещё могла работать, а то ты не знаешь.

– Ну, мало ли. Я надеялась, что ты меня удивишь.

– Да ничего ты не надеялась. – Варвара смотрит, не отрываясь, на фотографию. – Послушай, Лена. Ребёнок ничем перед тобой не провинился. Я не могу умереть вот так, зная, что её продадут на органы или, подрастив немного, продадут извращенцам. Эти люди... они занимаются торговлей детьми. Когда я забеременела, ко мне подошли и спросили, не хочу ли я отдать младенца в хорошую семью. Предложили денег, полный пансион до родов, а я тогда только вернулась, дома меня никто не ждал, отец спился и умер, мать тоже умерла, деревенский дом развалился, а в деревню к Ивану я вернуться не могла... я согласилась отдать малышку, не знала тогда, что такое ребёнок для матери. Когда она росла во мне, не было во всём мире роднее человека, чем она там. Я говорила с ней, любила её и поняла, что не отдам её, но сбежать не могла – куда бы я пошла. А потом я родила и два с половиной месяца была с ней, пока они искали, кому её продать... как я теперь понимаю... но я чувствую, что она жива, найди её, умоляю.

– Каким образом?

– Лен, ты что! – Ника села на кровать рядом с умирающей. – Конечно, мы найдём вашу малышку. А вы поправитесь и...

– Добрая ты душа. – Варвара погладила руку Ники. – Светлая, добрая душа... Не суди Лену, я очень виновата перед ней, и той вины мне не избыть никогда и не искупить никогда, хоть бы что я сделала, не поправишь уже. Если сможешь – помоги ей, найдите моего ребёнка.

– Отца знаешь? – Лена едва сдержалась, чтобы не уйти. – Может, отец её взял?

– Лен... Ну какой отец. – Варвара прикусила губу. – Мы тогда в гостинице работали, всю неделю шведов обслуживали. Мужики лет по пятьдесят, здоровенные, белёсые, но хорошие, добрые и нежадные. Вот и все приметы отца. А потом я поняла, что забеременела, и...

– А сейчас что с вами? – Ника взяла прозрачную руку Варвары в свои ладони. – Может, переведём вас в хорошее отделение, к нормальному врачу...

– Саркома лёгких у меня. – Варвара улыбнулась одними губами. – Неоперабельная. Где-то через месяц после родов начались боли, я внимания не обратила, а когда сюда попала, уже поздно было. Врачи говорят, что если б сразу пришла – всё равно ничего бы не сделали. Саркома – такая вещь... вот вчера и сегодня чуть легче мне стало, с аппарата сняли. Лен...

– Что?

– Прости меня, ради бога.

– Бог простит, Варя.

– Я рада, что смогла тебя увидеть и прощения попросить. Найди мою дочку, прошу тебя. Она хорошая девочка, добрая, славная, уж я знаю, она не такая, как я. Найди...

– Найду. Ну, что смотришь? Сказала – найду, значит, найду. Обещаю.

– Там в конверте завещание и все бумаги на опеку, в том числе и мой анализ ДНК. Всё заверено как надо, остальное узнаешь у адвоката. И ещё... видишь, вот фотография, где парень с усиками, лысоватый? Это Генка Филатов, это он меня свёл... с теми.

– А *те* – кто?

– Страшные люди. – Варвара закрыла глаза, силы её были на исходе. – Женщина, зовут Нина, маленькая такая, худая, глаза узкие, нос длинный, кожа пористая, лет тридцать пять ей, может, чуть больше. Второй – мужчина, Владимир Данилов, точно помню фамилию, в правах подсмотрела один раз. Ему сорок три, русые волосы, глаза зелёные, небольшой нос и ресницы длинные, как у бабы. Смазливый такой, типаж – увядший мальчик. Ну, из тех, кто в мужиков не вырастает. Злой и хитрый сукин сын. Но из них двух Нина опаснее, умеет из себя строить святошу. Там и другие были, просто я только этих видела. Они в квартире меня держали – на Космической – и в седьмой роддом возили на осмотры, врача зовут Паркина Жанна Дмитриевна, большая высокая брюнетка за пятьдесят... серьги с сапфирами в ушах... дорогие, старинные. Она и роды приняла – там же, в квартире.

– Точный адрес?

– Космическая, сто двенадцать, квартира восемь. Я всё время хотела убежать с ребёнком, нужно было доказать, что они меня там держали, и я кольцо своё спрятала... в маленькой комнате, под паркетом. И салфетку с кровью.

Варвара снова закашлялась, дыхание её никак не восстанавливалось, и Панфилов, молча слушавший разговор, бросился за врачом. Лена сжала конверт с бумагами. Варвару погрузили на каталку и увезли, на ходу подсоединяя капельницу, она, задыхаясь, смотрела на Лену иступлёнными умоляющими глазами, и Лена кивнула.

Что ж, пора это отпустить. Круг замкнулся.

– Жуткая история. – Ника вздохнула. – Умирает она.

– Саркома, чего ж ты хочешь.

– Неужели тебе её совсем не жаль?!

– Она убила моего отца. Нет, не жаль.

Ника, собравшаяся было что-то сказать, осеклась и испуганно отшатнулась.

– Надо узнать, как там Рона. – Лена спрятала конверт в сумку. – Кто рискнёт позвонить Валентину?

– Идём туда. – Максим, не проронивший до этого ни слова, взял Лену за руку. – Успокойся. Утро вечера мудренее, как-то мы это решим. А сейчас просто успокойся.

Лена хотела выдернуть ладонь из его руки, но не смогла. Голова болела нестерпимо, в висках стучали молотки, и она чувствовала, как сильно устала.

– Как вы вообще здесь оказались, ведь хирургия двумя этажами выше?

– Лен, нас прогнали оттуда. Там во время операций блок закрыт, никого не впускают, только больные и персонал. – Панфилов задумчиво смотрел на неё. – Да, дела. Ну ладно, порешаем.

Но Тимка, уставший ждать милостей от природы, уже набрал номер Валентина.

– Дядь Валь?!

Лицо его, напряжённое и испуганное, за миг расслабилось.

– Можно, да? Сейчас. – Он обернулся к Лене и остальным: – Операция прошла нормально, показатели в норме, она в реанимации, но мне разрешили к ней зайти.

– Может, лучше я? – Лена встревоженно смотрит на Тимку. – С тебя хватит волнений на сегодня.

– Можешь пойти со мной.

Они поднялись на этаж выше и зашли в отделение, где усталый Валентин уже ждал их.

– К чему вы сюда такой толпой явились?

– Семёныч, не бурчи. – Матвеев кивнул на Тимку: – Вот, племянша твоего сопроводили.

– Халат и бахилы надень. – Валентин подал халат племяннику. – И недолго. Она всё равно спит, так что туда и обратно. Елена, ты останься здесь, нечего в реанимации экскурсии устраивать.

Тимка поспешно натянул поверх кроссовок бахилы, нырнул в халат и скрылся за дверью. Лена поняла, что Валентин специально усладил его, чтобы поговорить о чём-то, чего сын слышать не должен, и у неё сжалось сердце.

– Что, Валь?

– Дело такое. – Семёныч нахмурился. – Во время операции в лёгких у нашей барышни, а именно в правом, обнаружилась опухоль. Надеюсь, что доброкачественная, гистология покажет. Опухоль очень маленькая, но я удалил сегмент лёгкого, оно и так было повреждено. Надеюсь, это правильное решение – ну не было времени провести гистологию, не ожидал я этого, пришлось принять такое решение. Мы завтра обязательно сделаем магнитно-резонансную диагностику, и уже будет готова гистология, так что поглядим, что и как, но пока факты таковы.

– И что теперь? – Лена почувствовала, как внутри у неё всё оборвалось. – Валь, это рак?

Тёплая рука Ники легла ей на плечо. Нет, не надо утешений и полуправды, она хочет всё знать.

– Если даже опухоль злокачественная, это первая стадия, которая не оставляет последствий, если её удалить, что я и сделал. Проколем Рону специальным препаратом и забудем всё как страшный сон. Мне пришлось сделать больший надрез, чем я планировал, чтобы удалить новообразование, и просканировать второе лёгкое и соседние органы. Микроскоп у нас очень сильный, но я ничего не выявил. Тем не менее выздоровление займёт куда больше времени, и потом понадобится операция, чтобы скрыть рубец. Сань, тот врач, что когда-то оперировал Нику...

– Пусть только она поправится немного, и я привезу ей врача. – Панфилов хмыкнул. – Не было бы счастья, да несчастье помогло, так, что ли?

– В данном случае – именно так. Зная свою кузину и особенности её характера, я смело могу заявить: даже в случае появления дискомфорта или болей она бы ни за что не обратилась к врачу и уж тем более – не обратилась бы ко мне. И всё закончилось бы весьма плачевно. Вот и делайте выводы. Может статься, наш Павел ей жизнь спас.

– А она – ему. – Ника фыркнула.

– Тимофею об этом ни слова. – Валентин вздохнул. – Тяжело оперировать своих. Но если не оперировать... вдруг чужой чего-то не заметит, что-то не так сделает? Гордыня, гордыня...

– А рука?

– Лен, рука – это семечки. Сломана лучевая кость, вывих плеча. Руке операция не понадобилась, вывих вправили, кости сложили как полагается, гипс наложили, будет как новая через пару-тройку недель. Тут бы с самым неприятным разобраться до конца... Вот и Тимка, езжайте домой, а я останусь с ней на ночь, всё равно утром моя смена. Ларисе расскажите, что и как.

Они спустились по лестнице, прошли мимо отделения, где полчаса назад слышали невероятную историю Варвары.

– Может, спросить о ней? – Ника вопросительно посмотрела на Лену. – Давай я зайду, спрошу.

– Можно потом позвонить. – Лена чувствовала страшную усталость. – Она никуда отсюда не денется в любом случае.

Но Ника уже нырнула в открытые двери, её шаги затихли в глубине коридора.

– Вот так всегда. – Матвеев сокрушённо покачал головой. – Вечно влипает в истории.

Лена промолчала. То, что стояло между ней и Варварой, очень сложно забыть и простить, и её покаяние или смерть не изменят случившегося. Заставить себя простить Варвару она пока не может. Но она пообещала ей найти маленькую девочку, и обещание своё сдержит, она не привыкла давать пустых обещаний.

– Едем домой, она в реанимации. – Ника быстро обернулась. – Завтра справимся, я записала телефон сестринского поста.

Они ехали ночным городом, отдыхающим от жары. Фонари освещали летние открытые кафе, украшенные фонариками, а они молчали, придавленные общей тайной.

– Мама там как? – Панфилов посмотрел на хмурого Тимку. – Спала?

– Спала. – Тимка вздохнул. – Очень бледная...

– Ну, так оно и должно быть. – Лена успокаивающе погладила его по спине. – Ты вспомни, какая была я два года назад, когда Валентин меня с того света выволок.

– И я был не лучше. – Панфилов вздохнул. – В меня как-то раз стреляли, и Семёныч вытащил меня с того света. Похоже, тут у всех есть опыт общения с ним как с врачом.

– Маму он не оперировал раньше и не лечил. Они вроде в ссоре. – Тимка снова вздохнул. – Упрямые оба, как черти...

Панфилов завёл машину во двор и запер ворота. В доме горел свет – Тимка открыл дверь, и они вошли за ним, признавая его право хозяина.

– Тихо, Юрий спит уже. – Лариса выглянула из комнаты, где находился Павел. – Ну, что там? Тима, я Юрика на твою кровать уложила...

– Я всё равно у мамы спать собирался. – Тимка сбросил кроссовки и направился к спальне Ровены. – А вы хотите – ночуйте, тётъ Лена, ты тут похозяйничай, если что.

– Тима, а поесть?

– Я не хочу.

Он скрылся в спальне матери и плотно прикрыл за собой дверь. Только здесь он смог снова дышать – в темноте пустая комната, полная запаха духов и чистого белья, казалась ему странной, и он на ощупь добрёл до кровати и упал на неё, достав из-под покрывала подушку. Он уткнулся в неё, пахнущую маминым шампунем, и замер. Там, в доме, чужие люди – и человек, который едва не убил его мать. И хотя он, возможно, не виноват – но это он бросил маму в стену так, что её рёбра треснули и пробили лёгкое. Знать, что он здесь, невыносимо, как невыносимо быть в доме без мамы.

Тимка уткнулся в подушку и всхлипнул. Он очень давно не плакал – но сейчас слёзы душили его, и он ничего не мог с этим поделать. Главное, чтобы никто из тех, кто бродит сейчас по их дому, не вошёл и не принялся его утешать. Потому что утешить невозможно – перед

глазами всё равно будет стоять бледное лицо матери, тёмные круги под её закрытыми глазами, кровь, так страшно проступающая через повязку...

Тимка заплакал, кусая подушку, его тело содрогнулось – в четырнадцать лет плакать трудно, только сдержаться невозможно, потому что беда, свалившаяся так внезапно, слишком тяжела, чтобы принять её.

– Надо бы пойти к нему. – Булатов кивнул на дверь спальни. – Мальчишка совсем погас. Такое и взрослому вынести тяжело, а тут подросток.

– Нет, Лёш, надо дать ему возможность побыть одному. – Ника вздохнула. – Они в этом возрасте не очень любят, когда кто-то видит, как они плачут, а мы для него чужие люди и отчасти виновны в том, что произошло, – ну, в его глазах, ведь Пашка – наш друг. Пусть побудет один, поплачет, может быть, ему станет легче.

– Мужчины не плачут. – Панфилов прошёлся по комнате. – Ну, что, ребята, снова всё запуталось так, что не распутать?

– Распутаем. – Матвеев запустил пятерню в волосы, растрепав их окончательно. – Сейчас главное – ребят на ноги поставить. Лариса, как Павел?

– Детоксикация практически закончена, он в сознании, узнал меня и всех вас. То, что произошло с Ровеной, помнит смутно. Прошедшую неделю не помнит вообще. – Лариса привычным движением поправила выбившийся локон. – В общем, завтра с ним уже можно будет поговорить и он, возможно, вспомнит, что с ним происходило. Валентин звонил мне, рассказал о Ровене. Вы же знаете, какой он перестраховщик. Я думаю, всё там будет в порядке, просто нужно время – безусловно, операция сложная, и первые дни состояние её будет тяжёлым, это нормально для восстановления после такой операции. Она в нашей реанимации в надёжных руках, там её обязательно выйдут. Надеюсь, всё со временем утрясётся. Ночевать я буду здесь, и если мне покажут, где взять чистые полотенца и какую-нибудь пижаму или халат, буду очень признательна.

Лена кивнула и молча прошла мимо новых знакомых в коридор. Постучав в дверь спальни Ровены, она тихо позвала:

– Тима!

Ответа не последовало, Лена вошла, добралась до кровати и, нащарив рукой кнопку ночника, зажгла его.

Тимка спал поперёк кровати – в тех же шортах и майке, что и днём. Лена склонилась над ним. Его ресницы слиплись от слёз, и она, прикрыв его простынёй, погладила по голове. Тимку она помнила ещё новорожденным мальком, и то, что он вырос, не отменяло того, что ей он всё равно казался ребёнком.

Она достала из шкафа полотенца и ночную рубашку с халатом – для Ларисы – и вышла, оставив гореть ночник.

6

Страх сжимал его всего. Холодный пот катился по лицу, он чувствовал приближение чего-то, на что он не хотел смотреть, чтобы не лишиться рассудка. Не смотреть, не смотреть, даже не думать – я сижу за стеной, стена из кирпича, нужно посчитать кирпичи – один, два, три... нет, так не пойдёт, можно сбиться, надо сверху вниз, отличная стена, её не пробьёт то, что снаружи, о чём нельзя думать, надо просто считать кирпичи. Можно вспомнить теорему или извлечь квадратный корень, но отчего-то ничего вспомнить невозможно, а считать кирпичи легко – они прямо перед глазами, из них построена стена, отличные крепкие кирпичи...

– Не получается, ещё дозу.

Что-то касается его, и он вздрагивает – нельзя допустить, чтобы в его кровь попал яд, но змея кусает его, кирпичная стена плывёт перед глазами, и удержать её всё сложнее – один, два, три... семнадцать, восемнадцать... прекрасно, что есть цифры, забыть цифры невозможно, это просто символы, а не слова, символы забыть сложнее...

– Ещё дозу.

– Это его убьёт.

– Мне нужно, чтобы он заговорил.

– Если не заговорил сейчас, то не заговорит и дальше, ещё одна доза его убьёт, а от мёртвого мы точно ничего не узнаем.

Голос гремит где-то вверху – сто двенадцать, сто тринадцать, сто четырнадцать... не сбиться, считать, это крепкая стена, и кирпичи старые, спаянные раствором и временем, их не пробить словами, символы всегда сильнее... сто двадцать пять, сто двадцать шесть...

– Паша.

Он вскочил, грудь его ходила ходуном, пот залил его – и голова раскалывается, словно кирпичи, которые он считал, перебрались туда и тянут её вниз.

– Паша, успокойся, слышишь меня?

Над ним склонилось знакомое лицо, тёплая сухая ладонка легла на лоб. Синие встревоженные глаза, растрёпанные светлые волосы – и голос, который он узнал раньше, чем лицо. Это Ника с ним. Или она ему снится, он не знает.

– Макс, дай мне полотенце.

Кто-то протягивает ей полотенце, влажное и прохладное, и Павел опускается на подушку. Ника с ним, а это значит... Ничего это не значит. Это может быть сном, галлюцинацией, стену он потерял, и нужно строить её заново, а как тут строить, когда Ника положила ему на голову прохладное, тяжёлое от влаги полотенце.

– Ника...

– Паш, я с тобой, мы все здесь. Макс, иди сюда, сядь рядом.

Павел смотрит на эти два лица, освещённых светом ночника, – одинаковые глаза и волосы светлые, и губы, готовые улыбнуться. Он вздохнул и попытался сесть, две пары рук подхватили его, помогая устроиться удобнее.

– Паш, пить будешь?

– Буду.

Она подаёт ему кружку с водой, и он пьёт, вспоминая каждый кирпич стены – он должен быть готов в любой момент вернуть её на место, потому что он плохо отличает, где настоящее, а где сон.

Но Ника с Максом не выглядят галлюцинацией. Рука Ники сухая и тёплая, и её крепкая ладонка вполне осязаемая, он может дотронуться до неё, погладить гладкую кожу.

– Думаю, Лёшке этого лучше не видеть. – Ника хихикнула. – Он, конечно, не ревнивый, но кто знает...

И этот смех убедил его, что он не спит. Так смеяться могла только Ника, причём придумать для смеха такой повод тоже могла только она, а не его подсознание.

– Паш, ну ты как?

Матвеев смотрит на него очень знакомо, только глаза у него усталые больше, чем всегда. Много лет можно знать друга, а потом в какой-то момент понять, что у него усталые глаза тяжело работающего человека, которому некогда отдохнуть.

– Ничего, Макс. Просто я не всегда могу понять, что настоящее, а что – нет.

– Ну, это понятно. – Матвеев нахмурился. – Главное – ты с нами, нашёлся, остальное наладится. Ты совсем не помнишь, где был?

– Голоса помню... – Павел прикрыл глаза, вспоминая. – Они спрашивали что-то...

– Что?

– Я не слушал.

– Почему? – Ника протянула ему ещё кружку с водой. – Паш, мы должны понять, кто и зачем похитил тебя.

– Сколько меня не было?

– Четыре дня. – Ника сняла с его головы согревшийся компресс. – Мы всюду искали тебя – и полиция, и Пупсик... ты помнишь Пупсика?

– Я всех помню, кроме тех, кто... спрашивал. И о чём спрашивали, тоже не помню... старался не слушать.

– Как это возможно?

– Ника, меня этому учили. Надеюсь, учили не зря. – Павел отдал ей пустую кружку и осмотрел себя. – Мне бы в душ не помешало, и переодеться... где я вообще нахожусь?

– Это отдельная история. – Матвеев поднялся. – Схожу, принесу из машины свои шмотки, тебе немного великоваты будут, но велико – лучше, чем мало.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.